

Цена вопроса. Том 1

Автор:

Александра Маринина

Цена вопроса. Том 1

Александра Маринина

Цена вопроса

Программа против Системы. Системы всемогущей и насквозь коррумпированной, на все имеющей цену и при этом ничего неспособной ценить по-настоящему. Возможно ли такое?

Генерал МВД Шарков твердо верил, что управляемая им Программа – последний шанс навести порядок в правоохранительных органах. Так было до тех пор, пока не исчез один из ее участников, одержимый радикальными идеями. А затем начались эти странные «парные» убийства... И стало понятно, что если сегодня не остановить убийцу-фанатика, то завтра Программе придет конец. Но какую цену готов заплатить генерал Шарков за дело всей своей жизни? И чего это будет стоить полковнику Большакову и капитану Дзюбе, уже подключившимся к расследованию?

Александра Маринина

Цена вопроса

Том 1

Шарков

Вот так. Еще сегодня утром жизнь была другой, привычной, поддающейся планированию и понятной. Еще сегодня в шесть утра Валерий Олегович, заваривая кофе и с аппетитом поедая поданный женой завтрак, точно знал, что и как будет происходить и сегодня, и завтра, и послезавтра...

А сейчас вдруг выяснилось, что ничего-то он не знает и не понимает. И решение нужно принимать немедленно. Альтернатива у Валерия Олеговича жесткая, совершенно очевидная и малоприятная: пожертвовать придется или делом всей своей жизни, или собственно этой самой жизнью. Да нет же, не пожертвовать в прямом смысле этого слова, а всего лишь поставить на кон в игре с судьбой. Может быть, ему повезет, и он выиграет. Но может и проиграть. Страшно. Риск чрезвычайно высок.

«Зачем? – тоскливо и растерянно думал Валерий Олегович, глядя из окна автомобиля на медленно (ах, эти ставшие притчей во языцех московские «пробки»!) проплывавшие мимо улицы, дома, машины, рекламные щиты и яркие вывески. – Почему, ну почему именно сейчас? Почему не через год, ну пусть через полгода, или хотя бы даже через пару месяцев? Через пару месяцев мы наверняка сняли бы остроту вопроса, и три-четыре недели, о которых идет речь, не сыграли бы никакой роли. Я мог бы выпасть из процесса и на более долгий срок, и для дела ни малейшего ущерба, и вообще: никто бы даже не заметил моего отсутствия. Но сейчас... Нет, сейчас никак нельзя. Я должен держать руку на пульсе, я должен быть доступен для принятия решений двадцать четыре часа в сутки, я должен все контролировать и всем управлять, иначе дело, которому я посвятил тридцать лет, может рухнуть. Ну почему, почему все сошлось именно сейчас!»

– Прижмись где-нибудь, – скомандовал он водителю.

– Здесь нигде нельзя, – откликнулся тот. – Если только во двор какой-нибудь заехать. Но если ненадолго, то можно и так...

Да, забывает Валерий Олегович об этих клятых новых правилах парковки, особенно в центре столицы. Теперь нигде просто так не встанешь. Зато трафик стал заметно лучше, с этим не поспоришь.

Ему нужно подумать. Впрочем... Нет, уже не нужно.

Он вытащил из кармана телефон и позвонил Большакову.

- Нужно встретиться. Срочно.

- Я понял, - слышалось в трубке. - Через час годится?

- Да. Жду.

* * *

Константин Георгиевич Большаков сделал в свое время поистине стремительную карьеру, в 34 года получив назначение на должность начальника «убойного» отдела на Петровке. Было это 10 лет назад, и с тех пор Большаков успел послужить на некоторых должностях в центральном аппарате, после чего вернулся в Главное управление внутренних дел Москвы, заняв кресло заместителя начальника по криминальной полиции. Был он человеком честным и порядочным, офицером - грамотным, хорошо подготовленным и очень профессиональным, поэтому Валерий Олегович Шарков проявил в свое время завидное упорство, отстаивая кандидатуру полковника Большакова.

- Костя, ты нам нужен на этой должности, - говорил Шарков. - Но ты должен отдавать себе отчет, что звание генерала ты в этом кабинете не получишь.

- Ну и что? - безмятежно улыбался Константин Георгиевич. - Меня под генеральские погоны не затачивали. Лишь бы на пользу делу.

Это было правдой. «Затачивали» юного Костю начиная с 17 лет совсем под другое.

Квартира покойного профессора Ионова пустовала. Евгений Леонардович скончался два года назад в возрасте восьмидесяти восьми лет, предварительно переоформив свою жилплощадь таким манером, чтобы его преданные ученики и последователи могли ею беспрепятственно пользоваться. Дети, внуки и правнуки старого профессора против такого решения не возражали: были они людьми адекватными ментально и более чем состоятельными финансово и к распоряжениям заслуженного ученого отнеслись уважительно. Разумеется, они и знать не знали, чем на самом деле занимался профессор Ионов, однако

видели, что работает он много и с несомненным удовольствием и интересом, хотя в последние годы из дому почти не выходит. Если Костя Большаков мог считаться всего лишь последователем Евгения Леонардовича, то генерал Шарков был самым настоящим учеником Ионова и преемником его идей.

Именно сюда, в квартиру профессора, и приехал теперь Валерий Олегович. Здесь он встречался и с Большаковым, и с другими соратниками по общему делу. Порядок и чистоту в жилище продолжала поддерживать все та же милая соседка по имени Роза, бывшая домработница Ионова: об оплате ее услуг заблаговременно позаботился все тот же предусмотрительный Евгений Леонардович. Даже к собственному уходу из жизни старый профессор подготовился столь же основательно и тщательно, как делал все и всегда.

Квартира показалась Шаркову сумрачной и темной, но он быстро сообразил, что все дело в задернутых тяжелых шторах. Такая уж привычка была у Розы: после уборки непременно задергивать шторы на всех окнах, словно бы прощаться с помещением и ставить точку. Шарков не стал разрушать спокойный полумрак, прошел в гостиную, сел на диван, прикрыл глаза. Костя приедет минут через 20—25, не раньше, еще есть время подумать. Когда он, Валерий Олегович, был здесь в последний раз? Не так давно, пару недель назад, встречался все с тем же Костей Большаковым, своей правой рукой. И уже тогда, две недели назад, Шарков мог бы сообразить, что происходит. Мог. Но не сообразил. А месяц назад – мог? Наверное, тоже уже мог. А два месяца назад? А три? Где, когда, в какой момент пролегла та тонкая, почти невидимая, неосязаемая линия, которая разделяет время «еще нет» и время «уже да»? В какой момент Шарков должен был забеспокоиться и насторожиться? Наверное, тогда, когда Борис Орлов, сидя на вот этом самом диване, с грустью сообщил:

– Игорек сорвался. Ушел из программы. Я очень старался его убедить, но он меня не послушал. Он категорически против наших методов и наших принципов. Как сказала бы моя покойная мама, это вечный конфликт Белинского с Гоголем.

В тот момент Шарков не охватил разумом все сказанное адвокатом Орловым, зафиксировал только сам факт: человек, привлеченный к работе в программе, разочаровался в ней и отказался от дальнейшего сотрудничества. Ну что ж, это дело обычное. Кто-то приходит, кто-то уходит, как бывает на любой работе и в любом деле. Та встреча с Орловым была плановой, им предстояло обсудить результаты работы адвокатов, сотрудничающих с программой, и мозг Валерия Олеговича настроился именно на эту проблему, а вовсе не на какого-то там

Игоря, который даже и не адвокат, и вообще не юрист.

Но, возможно, он, генерал Шарков, и ошибается. Не происходит ничего экстраординарного. Просто завелся на просторах нашей великой страны очередной псих, маньяк. Плохо, конечно, что и говорить, но для программы никакого значения не имеет. Поймают его рано или поздно. А вот если это не маньяк, тогда... Как узнать? Только одним способом. И пока вопрос не будет решен, пока генерал не убедится, что программе ничто и никто не угрожает, не будет ему покоя.

Валерий Олегович поерзал на диване, пытаясь поудобнее устроить ноющую шею и расслабить мышцы, и внезапно с ужасом осознал, что прислушивается к своему телу. Рванет? Или нет? И если рванет, то когда? Господи, еще сегодня утром, даже еще три часа назад подобные мысли не могли бы появиться в его голове. Зачем, ну зачем он узнал? Зачем ему сказали?

Скрежетнул ключ в замке: пришел Большаков. Ключи от квартиры были только у него и у генерала, третий комплект – у Розы. Константин Георгиевич, красивый стройный мужчина с умными глазами, молча прошел в комнату и уселся в кресло лицом к Шаркову.

– Что-то случилось? – негромко спросил он.

– Случилось.

– У вас? Или у всех нас?

– У меня – точно случилось, а насчет всех нас – пока непонятно. Я сегодня был у врача. И кой черт меня дернул обратиться с болями в животе! Ну, болело и болело, подумаешь... Выпил обезболивающее – и вперед, как обычно. Так нет же! Поперся к лепилам, старый дурак.

В голосе Валерия Олеговича звучала неприкрытая досада и злость то ли на врачей, то ли на самого себя. Шарков глубоко вздохнул и замолчал.

– Что сказал врач?

– Аневризма аорты. Давно уже, лет пятнадцать, а может, и больше. Говорит, что рвануть может в любой момент. И вплоть до летального исхода, если не повезет. А если повезет, то, может быть, протяну еще лет десять, но медики никаких гарантий не дают.

– Что предлагают?

Большаков, как всегда, собран, сдержан и не теряет присутствия духа. За эти качества генерал его ценит. Впрочем, и за многие другие тоже. Без Кости он как без рук, без опоры, без поддержки.

– Предлагают... Да нет, не предлагают – настаивают на немедленной операции. Операция хорошо известная, отработанная, рука у хирургов набита, никаких неожиданностей, даже за границу ехать не надо, у нас все сделают в лучшем виде.

И снова пауза. Чем ближе к главному, тем труднее произнести это вслух. Константин Георгиевич тоже помолчал, ожидая продолжения, потом негромко проговорил:

– Правильно ли я понимаю, что вас что-то останавливает? Есть какие-то препятствия?

Генерал кивнул.

– Есть. Операция и период восстановления займут три-четыре недели, если не будет осложнений. Можно делать эндоскопию, тогда все заняло бы три-четыре дня. Но у меня сосуды забиты холестериновыми бляшками, так сказал врач. Просветы такие узкие, что лапароскопом не получится, нужно резать. Да этот врач много чего говорил, объяснял, почему так, а не эдак, и почему опасно затягивать, и какие у меня могут быть осложнения с учетом всех прочих болячек, которых накопилось, как ты понимаешь, немало.

– И?

Валерий Олегович вытащил из портфеля айпад, быстро ввел пароль и протянул полковнику Большакову.

– Вот это я прочитал сегодня утром. Ты посмотри, а я пока чайку сделаю.

Здесь, в этой квартире, принято было обходиться «без чинов», здесь не соблюдали иерархию званий, и для генерала не считалось зазорным приготовить и принести чай полковнику, который и по званию младше, и по возрасту. В программе все были соратниками, и значение имели только знания, умения и круг должностных полномочий.

Шарков отправился на кухню, как всегда стерильно убранную. Порядок Роза наводила по собственному усмотрению, вероятно, так, как требовал в свое время покойный Евгений Леонардович, однако логику этого порядка генерал до сих пор так и не усвоил. Ему казалось, что если он в прошлый раз оставил коробку с чаем возле электрического чайника, то примерно там же обнаружит ее и сегодня, но чайник каждый раз оказывался убранным в тумбу со всей кухонной техникой, коробка с заваркой после долгих поисков отыскивалась в навесном шкафчике, а чашки, из которых пили Шарков и те, с кем он встречался, стояли вовсе не там, где все прочие чашки, то есть не над мойкой, а в угловом шкафчике в противоположной стороне кухни. Над мойкой, в полке-сушилке, располагалась посуда строго из одного сервиза: тарелки разной глубины и разного размера, чашки чайные и кофейные и блюдечки к ним. Все, что к сервизу не относилось, Роза методично убирала в шкаф, хотя за время, прошедшее после смерти ИONOва, неоднократно имела возможность убедиться в том, что люди, которые теперь посещают квартиру, пользуются не этими изящными фарфоровыми чашечками «на три глоточка», а исключительно емкостями попроще и повместительнее.

Чаю в коробке осталось совсем мало, на донышке. «На одну заварку, – подумал Валерий Олегович, – надо будет купить к следующему разу. Или Костю попросить... А впрочем, будет ли он, этот следующий раз? Вот сейчас наклонюсь, открою тумбу, чтобы достать чайник, и рванет эта чертова аневризма. И все. Конец».

Налил в чайник воду из пятилитрового баллона, включил и присел на стул у стола. Снова зашевелилось сомнение в правильности принятого решения: а может, взять да и позвонить сейчас тому доктору, сказать, что согласен на операцию? Прямо отсюда и поехать в клинику, пусть начинают готовить. Конечно, придется подождать пару дней, с ходу такие операции никто делать не станет, но даже эти дни он, генерал Шарков, будет находиться под присмотром врачей, поэтому если что и случится, так уже не страшно: вытащат. Разрежут,

где надо, зашьют, как положено, и можно будет больше никогда об этом не думать, забыть, как страшный сон. Потом полежать, сколько скажут, две недели, или три, или четыре, и вернуться к работе и нормальной жизни. И к программе.

А если то, о чем он прочитал сегодня на одном из тавридинских сайтов, это именно то, о чем он подумал? И если местная полиция сработает оперативно? Что тогда? Тогда все узнают о программе. И программа потеряет весь свой смысл. Рухнет дело, которому Валерий Олегович Шарков посвятил тридцать лет из прожитых пятидесяти пяти. Умрет идея. Люди, прошедшие весь путь или хотя бы часть его вместе с Шарковым и под руководством Ионова, окажутся преданными.

Чайник тоненько, как-то натужно пискнул и выключился. Генерал подождал еще немного, давая крутому кипятку чуть-чуть остыть, заварил чай, разлил по высоким толстостенным чашкам, больше похожим на кружки. Послышались шаги – Большаков шел из комнаты в кухню. Уже прочитал. Что ему сказать? Как сказать? Какими словами? Советоваться? Или просто поставить в известность?

– Что скажешь? – спросил Шарков, когда оба уселись за стол.

– У меня нет уверенности, что это он, – пожал плечами Константин Георгиевич. – Хотя вполне возможно, что это действительно Игорь. Но возможно, что и нет.

– Значит, ты понимаешь, что при такой ситуации я не могу себе позволить выпасть из жизни на целый месяц, – констатировал Шарков.

– Валерий Олегович, я все понимаю, но ведь есть риск, и риск огромный, что вы выпадете из жизни уже насовсем, а не на какой-то месяц.

И за эту прямоту, за умение без страха называть вещи своими именами, генерал тоже уважал и ценил полковника Большакова.

– Не надо, Костя, – он болезненно поморщился. – Я принял решение. Не стану врать, что это было легко. Было трудно. И очень больно. И очень страшно. Но решение я принял. А если ты заговорил о рисках, то давай подумаем, что можно сделать, чтобы их минимизировать. Чем быстрее мы закончим эту историю, тем быстрее я лягу на операцию и тем больше шансов, что все обойдется. Я не могу

позволить себе устраниться от процесса, потому что ты на своей позиции командуешь только в Москве, за пределами региона ты никто и никакой власти не имеешь. Моя должность – на федеральном уровне, мои полномочия распространяются на всю страну, и в этом смысле заменить меня некем.

– Согласен, – кивнул полковник. – Но вариантов, насколько я понимаю, только два: или мешать людям на местах, или обойти их и успеть первыми. Это если рассуждать теоретически. А если реально, то вариант всего один, потому что мешать полиции на местах не позволяют принципы программы. Вы хотите, чтобы я порекомендовал вам людей, которые справятся с задачей?

– Я хочу, чтобы ты нашел таких людей и сам дал команду работать. Их работа будет оплачена из средств программы, если это будут люди со стороны.

Шарков и сам понимал, что ставит перед Константином задачу поистине невыполнимую. Среди участников программы есть оперативники и следователи, и их немало по всей России, но каждый из них имеет полномочия только на своей территории, не говоря уж о том, что каждый из них имеет собственное начальство и собственную служебную нагрузку. Значит, нужно искать тех, кто сейчас в отпуске и при этом не имеет семьи. Или привлекать тех, кто в отставке.

Большаков подумал немного и снова кивнул.

– Кандидатуры с вами согласовывать?

– Не нужно. Я в тебе уверен. Ты выберешь правильных людей. Прости, Костя, мне пора. У меня встреча с новым спонсором, потом к Верочке обещал заехать... Деньги, деньги, будь они неладны! Ничего без них не сделаешь! – с сердитой досадой воскликнул Шарков.

Уже стоя в прихожей, генерал негромко произнес:

– Если со мной вдруг что... Ну, ты понимаешь, о чем я... Все мои будут в шоке, никто ведь ничего не знает и ничего плохого не ждет. О жене сын и невестка позаботятся, а вот отец мой совсем один останется. Забудут они его. Подумай, может, есть у тебя на примете хороший человек, из наших, чтобы отцу было о чем с ним поговорить.

– Конечно, Валерий Олегович. И раз уж вы сами заговорили об этом, то я бы просил вас обдумать и написать все распоряжения касательно программы на тот самый случай. Я понимаю, вам, наверное, это неприятно и тяжело, но если уж вы приняли такое решение и готовы пожертвовать жизнью ради спасения дела, то имеет смысл позаботиться о том, чтобы дело не пострадало.

– Имеет смысл... – повторил генерал отрешенно и закрыл за собой дверь.

* * *

К моменту возвращения в свой служебный кабинет полковник Большаков уже знал, кого из оперативников хотел бы привлечь к работе. Вопрос только в том, как аккуратно вырвать его из повседневной деятельности «убойного» отдела. Для решения вопроса потребовалось изучить кое-какие документы и сделать несколько телефонных звонков, в том числе и генералу Шаркову.

«Черт его знает, может, и прав Шарков, – подумал Константин Георгиевич. – С одной стороны, есть масса вопросов, которые без него никак не решить, если нужно действовать быстро. Был бы он сейчас в больнице на операции, пришлось бы иметь дело с тем, кто его замещает, то есть с человеком посторонним. Нельзя. Но ведь с другой стороны – жизнь. И эта жизнь может оборваться в любую секунду, если не принять срочные меры».

Недавно назначенный на должность начальник «убойного» отдела, молодой и очень амбициозный офицер по фамилии Глазов, был крайне недоволен тем, что ему не позволили привести на место своего заместителя проверенного и доверенного человека и вынудили работать с этим «старым пеньком» Зарубиным. Иметь в подчинении опера с огромным опытом, конечно, полезно для дела, но весьма неудобно и некомфортно. Новый начальник отдела был «продвиженцем» и ставленником мелкого, но очень богатого чиновника из МВД, в раскрытии убийств разбирался не сильно, но зато страстно хотел быть крутым руководителем, при этом желательно – на хорошем счету. Для «хорошего счета» Зарубин был необходим, ибо все остальные оперативники отдела богатым опытом похвастаться не могли. А вот обеспечению крутизны руководства вечно ухмыляющийся, маленького росточка ушлый подполковник мешал донельзя. Но избавиться от него новый начальник не мог: зам по криминальной ясно дал понять, что с головы этого престарелого паяца не должен упасть ни один волосок. Полковник Большаков к Сергею Кузьмичу Зарубину благоволил, уж

неизвестно, за какие такие заслуги. Обычно с отчетами по наиболее важным текущим делам Большаков вызывал к себе именно Зарубина, и это больно царапало самолюбие начальника отдела.

Константин Георгиевич все это прекрасно знал и именно поэтому сейчас вызвал к себе Глазова. Пусть мальчик порадуетя, а на радостях, глядишь, и вопросов станет меньше задавать.

– У тебя Дзюба сильно загружен сейчас? – спросил полковник, не поднимая глаз от бумаг, когда Глазов появился в его кабинете.

– Как все, – осторожно ответил начальник «убойного».

– Из главка команда пришла откомандировать его в Тавридинский регион. Хвосты какие-то повисли по делу Евтягина, а Евтягиным как раз твой Дзюба занимался. Здесь-то всех причастных выловили, но информацию реализовали не полностью. Теперь вот понадобилось. Так что ты там распорядись, дела Дзюбы распредели по другим сотрудникам.

Всех тонкостей и особенностей «дела Евтягина» Глазов не знал, в этом полковник Большаков был уверен. Работа по делу была закончена буквально за два дня до назначения нового начальника отдела, а само назначение состоялось всего пару месяцев назад. Вникнуть в детали всего, что происходило до назначения, Глазов не успел бы, даже если бы и захотел. Но он и не хотел. Ему такое даже в голову не приходило. Разумеется, Константин Георгиевич говорил чистую правду: действительно, на территории Тавридинского региона велась оперативная работа по делам, косвенно связанным с делом Евтягина, и действительно, собранная в Москве информация очень не помешала бы, и действительно, был звонок из Тавридина в главк, а из главка пришла команда «откомандировать». Все было так. И упрекнуть Большакова во лжи никто не сумел бы. Да, без генерала Шаркова такую комбинацию было бы не повернуть за какие-то полчаса.

– Понял, товарищ полковник, все сделаем, – с готовностью отозвался Глазов.

– Как там этот Дзюба вообще? Толковый?

– Молодой еще, глупый, – резво отрапортовал начальник «убойного». – Ничего, научится.

«На себя посмотри, – насмешливо подумал Большаков. – Молодой, глупый... Ромка тебя по всем показателям обставит. Пока он семьей не обзавелся, ему в нашем деле равных нет».

– Проинструктируй его как следует, чтобы не облажался на выезде. Марку держать надо.

– Само собой, товарищ полковник.

На лице Глазова появилось осознание важности момента. На выезде, в командировке, капитан Роман Дзюба станет лицом не только «убойного» отдела, но и лицом всей легендарной Петровки, 38.

После ухода Глазова Константин Георгиевич сделал еще два телефонных звонка. Первый – Зарубину.

– Сергей Кузьмич, я твоего бойца Дзюбу наладил в командировку в Тавридин. От меня только что Глазов вышел, я его проинформировал.

– Ого! – весело отозвался Зарубин. – Интересно, сколько времени пройдет, пока он соизволит поставить меня в известность? Как думаете, Константин Георгиевич?

– Думаю, много. Так что ты особо не жди милостей от природы, подумай сам, кому дела Дзюбы распределить. А то Глазов так нараспределяет, что потом костей не соберете. У Дзюбы есть сейчас что-то сложное?

– Так у нас простого не бывает, сами понимаете, – хмыкнул Зарубин. – Простое – оно все на земле остается.

Десять лет прошло с того дня, когда молодого Константина Большакова в рамках проведения специального монографического исследования назначили начальником «убойного» отдела на Петровке, даже не десять, одиннадцать... В те времена еще жив и активен был профессор Ионов и еще существовал и

процветал Фонд с длинным и сложным названием, под крылом которого осуществлялась и вся программа в целом, и ее секретная часть. Тогда, в 2005 году, программа была нужна, ее курировали на самом-самом верху, обеспечивали финансирование, прикрывали тылы. Потом, спустя пять лет, программа стала руководству страны не нужна, и Фонд прекратил свое существование. Но остались люди, преданные идее и готовые ее воплощать. Генерал Шарков – из тех, первых, кто работал с Ионовым с самого зарождения Фонда. Костю Большакова привлекли позже, когда он еще был слушателем Высшей школы милиции. А сам Константин Георгиевич долго присматривался к своим новым подчиненным на Петровке и в результате выбрал Романа Дзюбу. Очень хотелось задействовать и Сергея Зарубина, который еще в 2005 году работал в отделе и уже тогда понравился Большакову, и Антона Сташиса, толкового, умного и интеллигентного опера. Но их кандидатуры не прошли проверку у Верочки, психолога. У Сташиса двое малолетних детей и нет жены. Просто удивительно, как он ухитряется работать в розыске... А Зарубин, хотя и малолетних детей не имеет, не подходит по психологическим характеристикам. Выраженный экстраверт, очень веселый, общительный и дружелюбный, он просто не сможет сохранять душевное здоровье, если ему придется обманывать друзей и что-то скрывать от них. Развернутый портрет Сергея психолог Верочка делала как раз в 2005 году, когда во время «полевых испытаний» мониторили работу по раскрытию убийства гражданской жены одного из сотрудников ГУВД Москвы. Зато Дзюба подошел идеально: молодые и полные сил, энергичные работающие родители, не нуждающиеся в заботе и опеке, отсутствие жены и детей, высокая познавательная активность, неумная богатая фантазия, которую нынче принято именовать креативностью, искреннее желание бороться со злом и честно выполнять свою работу. Отсутствие же профессионального опыта критерием отбора людей для программы никогда не было: опыт – дело наживное, он придет со временем, главное – преданность идее и согласие с ней, а также умение держать язык за зубами.

Роман долго не брал трубку, а когда ответил, то голос у него был сонным и хрипловатым.

– Ты после суток, что ли? – спросил Константин Георгиевич. – Извини, если разбудил.

– После двух суток, – откашлявшись, уточнил Дзюба. – Что-то случилось?

– Вечером попозже сможешь заехать? Там же, где обычно, в центре.

– Не вопрос. В котором часу?

Вот в чем достоинство тех, кто не обременен семьей! Они могут являться на встречи в любое время, хоть среди ночи, и никому ничего не объяснять, иными словами – не врать. И ездить могут куда угодно, особенно во время отпусков. Эх, побольше бы таких ребят, как капитан Дзюба! Да только где их взять? Всех честных и порядочных умные девки давно уже в мужа расхватали...

* * *

Встреча с новым спонсором программы, крупным бизнесменом, прошла на удивление быстро и гладко, и Валерий Олегович в который уже раз отметил четкость и безошибочность оценок и выводов психолога Веры Максимовой. Вера в программе уже 15 лет, и Шарков не смог бы припомнить ни одного ее промаха. Да, она обычно перестраховывается и любое, даже самое маленькое сомнение толкует в пользу отказа, но зато за тех, кого она рекомендует, можно не беспокоиться. Наверное, если бы она проводила предварительную проработку с Игорем, то сейчас проблемы не было бы...

После ликвидации Фонда помещение передали другой организации, и оставшиеся в программе сотрудники, которых отныне следовало именовать соратниками, не имея постоянного места для встреч и работы, контактировали где придется и как придется: либо ездили друг к другу домой, либо приходили на квартиру к Ионову. Собственно, пока старый профессор еще был жив, его квартира оставалась постоянным штабом для осколков программы, а вот после его смерти использовалась только как место для встреч, а также в качестве гостиницы для приезжающих из других регионов.

С Максимовой обычно встречались у нее дома. Вера жила одна, замуж выходить не стремилась, личную жизнь устраивала по собственному разумению, но не часто и не интенсивно. На аккуратные вопросы обычно отвечала с улыбкой:

– Ну не могу я строить серьезные отношения, я же все про мужиков понимаю через пять минут, и мне становится или скучно, или противно, или страшно.

Шарков точно знал, что это все пустые отговорки. Пусть он сам и не великий психолог, и по лицам читать не умеет, но уж тут-то он не ошибается: Верочка

Максимова давно, еще с 2003 года, любит Костю Большакова, и ни один другой мужчина ей не нужен и не интересен. Но она-то как раз хороший психолог и отдает себе отчет в том, что отношения с женатым мужчиной никогда и никого не приведут к счастливому финалу. Если он будет оставаться женатым, то женщине грозит накопление обид и униженности, а в результате – травма. Если же он разведется, то травма гарантирована уже ему. Конечно, такая картина имеет место далеко не всегда, а только у людей тонких, чутких и совестливых, но ведь понятно, что умницу Верочку толстокожие примитивные личности вряд ли привлекают. У Веры хватает и ума, и силы воли не ставить Костю в сложное положение; за все эти годы она ни разу ничем не дала ему понять, что испытывает к нему что-то еще помимо дружеской симпатии и профессионального уважения.

– Как вы быстро закончили встречу, – удивленно проговорила Вера, – я думала, вы часа три будете его уговаривать. А тут и часа не прошло – а вы уже позвонили и сказали, что едете ко мне. Неужели сорвалось? Мне казалось, я все учла, все просчитала...

Шарков с удовольствием смотрел на ее худощавую невысокую фигурку в малиновом спортивном костюме, на тонкое красивое лицо, обрамленное вьющимися небрежно сколотыми волосами. Очки в удачно подобранной оправе делали Веру одновременно строже и женственнее. Когда она повернулась к генералу спиной, чтобы достать из шкафа тапочки, он с изумлением увидел на курточке огромный, выложенный стразами череп.

– Верочка, что это у вас на спине? – не сдержался Валерий Олегович.

– Черепушка, – беззаботно откликнулась она. – А что? Вас это коробит?

– Да нет, просто вы такая строгая, такая элегантная всегда, и вдруг череп... Мальчишество какое-то.

– Ох, гражданин начальник, знали бы вы, сколько это мальчишество стоит! Даже сказать страшно. Самое смешное, что я этот череп не заметила, когда костюм покупала, мне цвет очень понравился, и деньги свободные в тот момент были, вот и купила, даже не задумалась, почему так дорого. А дорого оказалось как раз потому, что бренд известный, и череп – визитная карточка этого бренда. Проруха на старуху, ей-богу... Так что наш кандидат? Согласился сотрудничать

или нет?

– Вера, ну о чем вы говорите! – улыбнулся Шарков. – Вы так тщательно проработали этого человека и так меня подготовили, что все прошло быстро и не больно. Вы были совершенно правы: для него оказалось самым принципиальным именно то, что мы не признаем и не допускаем никаких нарушений закона. Как только он услышал, что мы действуем строго в рамках существующего законодательства, про остальное можно было уже не говорить. Очень уж его наши коллеги обидели...

Он устроился за большим столом, стоящим в центре комнаты, и открыл блокнот, приготовившись записывать. Финансовый вопрос стоял остро, многие мероприятия программы затратны, требуют денег, и деньги эти нужно где-то брать. Да вот хоть саму Верочку взять: после закрытия Фонда она попыталась было устроиться на какую-то работу, но очень быстро выяснилось, что времени на участие в программе ей катастрофически не хватает. Пришлось делать выбор. Вера выбрала программу, но осталась без зарплаты, значит, нужны спонсорские вспомоществования, чтобы содержать таких специалистов, как она. Официально Максимова считалась психологом-консультантом по профориентации, принимающим на дому, оформила все необходимые документы, разместила объявления на нескольких сайтах в Интернете и даже создала свою страничку, но клиентов отбирала придирчиво и работала с очень немногими. Принимала ровно столько, сколько могла себе позволить не в ущерб работе по программе, гонорар брала высокий и честно платила все налоги. Оставшихся после этого денег едва хватило бы на оплату жилья и коммунальных услуг. И таких специалистов после закрытия Фонда оказалось немало. Нужно было материально поддерживать и тех, кто вышел на пенсию или в отставку, потому что после ликвидации Фонда их уже никуда не брали по возрасту, а знания и умения этих людей необходимы программе, и нужно было оплачивать услуги и консультации привлекаемых специалистов. Командировки, журналисты, компьютерщики... Много было такого, что требовало денег. И деньги эти приходилось добывать у спонсоров, которых находили среди состоятельных бизнесменов, грубо обиженных системой МВД. Таких «потерпевших, не договорившихся с системой» было немало, и все сведения о них без труда получал генерал Шарков, а уж задачей Веры Максимовой оставалось дать рекомендации: с кем из них имеет смысл попытаться вступить в контакт и как именно следует вести себя с ними, чтобы переговоры прошли успешно.

Вера заняла место за столом напротив Шаркова, разложила свои записи и приготовилась докладывать, но внезапно внимательно посмотрела на генерала.

– С вами все в порядке, Валерий Олегович? Ничего не случилось?

– Все в порядке. А что? – с лицемерным спокойствием отозвался Шарков. – Я плохо выгляжу? Это на погоду, наверное, такие перепады... В моем возрасте осень и весна – самые поганые периоды.

Он молча выслушал доклад Веры и с огорчением констатировал, что сегодня она положительную рекомендацию не дала никому – ни кандидатам в спонсоры программы, ни журналистам, ни полицейским, ни прокурорским. Ну что ж, значит, так... Сегодня не его день. Нет ему удачи... Хотя грех жаловаться, что это он, в самом-то деле! А успешные переговоры с бизнесменом, готовым выделять средства для программы? А сам факт того, что он, Валерий Шарков, все еще жив? Не удача ли? «Мне придется с сегодняшнего дня привыкать думать иначе», – мелькнула мысль.

* * *

Он отпустил водителя за квартал до своего дома, попросил остановить машину возле маленького кафе, где, как знал Шарков, по вечерам не бывает многолюдно. Это кафе очень хвалила жена Валерия Олеговича, встречавшаяся там с приятельницами: она не приглашала их домой, зная нелюбовь супруга к гостям и вообще к посторонним в квартире, причем делала это не только тогда, когда муж был дома, но и тогда, когда он находился на службе или даже уезжал в командировки. Однажды он спросил:

– Ты своих подружек днем-то не приводишь сюда, когда меня нет?

Елена в ответ пожала плечами.

– Ты столько лет меня знаешь, мог бы уже усвоить, что я слишком уважаю себя, чтобы так мелко врать. Если ты сказал, что тебе неприятны посторонние в доме, то я тебя услышала.

Жена говорила, что в этом кафе и народу мало, и еда приличная, и персонал приятный. Сам Шарков ради любопытства однажды тоже зашел туда и очень быстро понял, почему при наличии приличной еды и приятного персонала в заведении не было ни многолюдно, ни шумно. Цены. Они оказались просто заоблачными. Такие траты могли себе позволить люди серьезные и негромкие, которым нужно именно поговорить, пообщаться или посидеть в одиночестве и подумать, а уж никак не тусоваться под оглушительный рок. И музыка здесь звучала тихо, а выбор ее недвусмысленно свидетельствовал о приверженности хозяина фортепианной классике. Валерий Олегович в такой музыке не разбирался, не знал ее и не любил, но в тот, первый, раз не смог не признать, что музыкальный фон как нельзя лучше подходит и для дружеской беседы вполголоса, и для неспешных раздумий.

А сейчас ему нужно было именно подумать. Сейчас ему предстоит вернуться домой, встретиться с Еленой и... Что? Сказать ей о диагнозе? О своем решении отложить операцию? И как он это объяснит? О программе Лена ничего не знает, она вообще не из этой сферы, всю жизнь занимается своим искусствоведением. И о том, что у Валерия Олеговича появились нестерпимые боли в области живота, она тоже не знает. И о том, что он горстями глотал обезболивающие препараты. И о его визите к врачу, и об обследовании, которое тот назначил, и о том, что сегодня наконец результаты обследования позволили озвучить диагноз и неутешительные перспективы. Ничего этого жена не знает. Слишком многое придется объяснять, слишком во многом признаваться... Лена обидится, конечно. Ну как же так? Как можно было не сказать о том, что появились боли, и о том, что обратился к врачу? Обидится и не поймет. Ну хорошо, допустим, он ничего не скрывал бы от нее насчет здоровья. Но ведь объяснить внятно, почему он тянет с операцией, Шарков все равно не смог бы. Никакие аргументы не перевесят страха за жизнь. А посвящать Елену в дело, которому отдано 30 лет, нельзя. Невозможно. Неправильно. Да и бессмысленно, она все равно не поймет, она вся в искусстве, в восточно-европейской живописи восемнадцатого века.

Валерий Олегович заказал чай с мятой и какую-то мясную закуску, даже название толком не разобрал, просто ткнул пальцем в строчку меню, в которой увидел знакомые слова «вяленая оленина», остальные слова, которых было еще много, и вовсе читать не стал. Какая разница... Окажется невкусно – не станет есть. Еще вчера, еще сегодня утром он бы внимательно и придирчиво изучил весь перечень предлагаемых блюд, вынимал бы душу из официанта бесконечными вопросами «из каких продуктов и как приготовлено», а теперь ему все равно. Теперь важно только одно: разобраться, что происходит, и если это Игорь, то успеть найти его раньше, чем его поймают полиция. И хорошо бы

при этом выжить.

Как же так получилось? Впрочем, удивляться нечему. Каждое правило рано или поздно себя изживает, так жизнь устроена. Программу, придуманную Евгением Леонардовичем Ионовым и его сподвижниками, начали осуществлять в конце восьмидесятых, еще в прошлом веке. Господи, как давно! Как страшно порой бывает думать: «прошлый век»... Когда Шарков был моложе, слова «прошлый век» означали те времена, когда не было электричества, телефонов и автомобилей, не летали самолеты и не работали телевизоры, одним словом, дремучую старину. А нынче этими словами называют его, Шаркова, жизнь. Деятельность Фонда была открытой и легальной, а вот программа Ионova – секретной, и все ее участники строго следили за тем, чтобы информация не утекала куда не положено. Программа требовала постоянного привлечения новых людей, и одной из задач штатного психолога всегда было тщательное изучение каждого кандидата. Будет ли он разделять идеологию программы? Будет ли соблюдать требования? Сумеет ли не разглашать сведения? Вера Максимова пришла в Фонд в самом начале двухтысячных, сменив на должности своего учителя, пожилого опытного психолога, который Веру и рекомендовал. Когда Фонд ликвидировали и остро встал вопрос о финансировании, Максимовой пришлось работать не только с характеристиками привлекаемых исполнителей, как было раньше, но и с изучением личности возможных спонсоров, а ведь количество часов в сутках и дней в неделе не увеличивалось... Ей не хватало времени и сил, но спонсоры важнее, потому что без денег вся программа рухнет, без них никак невозможно. И постепенно жесткое требование тщательно выбирать кандидатов стало слабеть и шататься. Сначала пошли по пути привлечения идейных сторонников, готовых работать бесплатно, потом как-то само собой сложилось, что все чаще и чаще новых людей стали приглашать без рекомендаций психолога. Адвоката Бориса Александровича Орлова пригласили в программу лет десять назад, его личность и характер Вера тщательно прорабатывала и изучала, и дала добро. Но это было еще во времена Фонда. А теперь... Адвокаты нередко рекомендуют обратить внимание на своих клиентов, оставшихся крайне недовольными деятельностью полиции, прокуратуры и суда, а всех разве проверишь? Вера одна, и главная ее нагрузка – спонсоры как источник финансирования. Адвокаты, конечно, люди надежные, но ведь не специалисты, не психологи и не психиатры. Можно им доверять, а вот спрашивать за такие промахи нельзя. Борис Орлов предложил кандидатуру Игоря Пескова, винившего систему МВД в том, что жизни его отца и его самого оказались разрушенными. «Очень толковый, озлобленный и не болтливый, не общительный» – именно так охарактеризовал адвокат своего протеже. В тот момент этого показалось достаточным. И что теперь? С кого спрашивать? С

Орлова? Так не его вина, что Вера Максимова не может разорваться на части и проверять всех. С государства, закрывшего Фонд и поставившего программу перед необходимостью самостоятельно искать деньги? С кого? Кто виноват?

Или это вообще не Игорь? А кто-то совершенно посторонний. Настоящий маньяк. Истинный. И чем скорее полиция его вычислит и поймают, тем лучше для всех.

Музыка, тихонько лившаяся из динамиков, звучала расслабляюще и как-то расплывчато, не мешая думать и в то же время убаюкивая. «Вот сейчас, в эту самую секунду, я еще жив, – плавно текла мысль в голове у Шаркова, – я сижу в кафе, неподалеку от дома, пью чай с мятой, жую какое-то холодное мясо, ощущаю его вкус, его текстуру, запах, я думаю о сложившейся ситуации и пытаюсь принять какие-то меры к ее исправлению. Я жив. А через секунду меня может уже не быть. Я не имею права строить планы даже на два часа вперед, потому что через секунду может оказаться, что больше нет ничего: ни ситуации, ни освежающего вкуса мяты в чае, ни терпкого привкуса вяленого мяса, ни звуков этой расслабляющей музыки... Ни кафе, ни моего дома, ни моей жены Лены, ни сына с невесткой, ни внучки, ни старенького папы. Никого и ничего. Мне жалко это потерять? Да. А осознать, что тридцать лет работы в программе улетели псу под хвост, потому что Игорь сорвался, а я не сумел предотвратить последствия, хотя и мог, не жалко? Конечно, незаменимых нет, но в нашем случае этот постулат не срабатывает. На моем уровне в министерстве нет ни одного участника программы, кроме меня самого. И речь ведь идет не только об идее самой программы, но и о людях, которые преданно служили ей много лет. Если Игорь откроет рот и начнет рассказывать, жизни и труд этих давних соратников Ионова тоже окажутся выброшенными на помойку. А цель уже близка. Система задыхается, захлебывается от собственного несовершенства, сбоит и тормозит на каждом шагу. Это результат не только очевидной глупости руководства, затерроризировавшего и правоохранительную систему, и вообще всю страну бесконечными переменами и отсутствием стабильности, нет, это результат и работы программы. На сегодняшний день преступность достигла той стадии расслоения, при которой имеются оптимальные условия для атаки на нее. Часть преступного контингента, ободренная наглым бездействием и коррумпированностью полиции, уверовала в собственную безнаказанность и совершенно, что называется, страх потеряла, а это неизбежно, как и предсказывал когда-то профессор Ионов, привело к снижению интеллектуального потенциала в криминалитете. Все большая часть преступлений имеет признаки спонтанности и непродуманности, все меньше среди уголовников тех, кто умеет планировать, предусматривать неожиданности, прятать следы. Для чего напрягаться и стараться, если в

полиции сидят или тупицы, или бездельники? Все равно не поймают. И вот эту самонадеянную когорту сейчас самое время придавить. Конечно, останется другая часть, высокотехнологичная, изобретательная, обогащающаяся при помощи финансовых преступлений и мошенничества, но для людей, которые живут в стране, ходят по улицам, воспитывают детей и строят планы на будущее, важнее именно преступность общеуголовная. И по ней как раз сейчас можно нанести сокрушительный удар, если программа сработает. Для этого нужно окончательно убить несовершенную, нескладную, неповоротливую правоохранительную систему, убрать, с корнем вырвать зажавшихся продажных чиновников от юриспруденции, сделать для всех очевидным необходимость кардинальных перемен. Проект новой системы и необходимых изменений в законодательстве и в организации его применения готов, правоохранительные органы тоже готовы. Осталось немного: добиться волевого решения на самом верху. Невозможно, ну совершенно невозможно поставить под угрозу срыва такую долгую, сложную и важную работу...»

Валерий Олегович Шарков был весьма далек от того, чтобы питать какие бы то ни было иллюзии. Он прекрасно понимал, что никакие объяснения и аналитические записки, никакие совещания и рекомендации советников не заставят высшее руководство изменить систему, потому что система умышленно создана именно такой, как удобно власти. «Мы вам позволяем делать все, что вы хотите, и зарабатывать на этом деньги, мы на все закроем глаза, но за это вы должны будете нам отработать, выполняя команду «Фас!», когда такая команда поступит. Мы вам помогаем зарабатывать, вы нам помогаете держать в узде тех, кто мешает зарабатывать нам самим». Вот такая нехитрая схема. Все отлично всё понимают, дураков нет. И для того чтобы вынудить прибегнуть к переменам, нужны не уговоры и не аналитические записки, а реальное и очевидное свидетельство того, что система с поставленными задачами не справляется и это вызывает такой накал недовольства среди населения, мириться с которым уже не просто неправильно, а опасно. Для самой же власти опасно.

«А если я завтра умру? – проносилось в голове Шаркова. – А если через пять минут? Или через минуту? Какая мне разница, что будет с программой и делом всей моей жизни, если меня самого уже не будет? Но, с другой стороны, что будет, если я сделаю операцию и останусь жив, а программа рухнет? Да, я принял решение, но я до сих пор не уверен, что оно правильное. Не уверен... Если я расскажу Лене, она меня не поймет и будет требовать, чтобы я лег в больницу немедленно. Я откажусь? Мы поссоримся. Соглашусь с ней? Тогда, вполне возможно, потом окажется, что я принял неправильное решение, о котором буду сожалеть долгие годы и не прощу себе до конца жизни. Как

лучше? Как правильнее?»

Промолчать. Это будет и лучше, и правильнее. Никому ничего не говорить. Знает только Костя Большаков, больше никто знать не будет. А там уж как судьба распорядится. Хорошо, что Лена за весь день ни разу ему не позвонила, так уже давно сложилось: никаких вопросов «как дела?» и «когда будешь дома?». Когда придет – тогда и придет, и о делах расскажет ровно столько, сколько сам сочтет нужным. И жене вопросы задаст, если пожелает. А не пожелает, так и не задаст. Что интересного Лена может рассказать? В искусстве Шарков все равно ничего не понимает, а времена, когда нужно было обсуждать проблемы сына, давно миновали. Теперь если только о внучке поговорить... Но там и говорить особо не о чем, семья у сына хорошая, крепкая, невестка умная и работающая, внучка-малышка растет здоровенькой. Что тут обсуждать-то?

За полгода до событий

Серебров

Вода в тазу и на этот раз осталась мутноватой. Анна решительно вылила ее в унитаз и набрала из-под крана чистую. Нужно перемыть полы. Она будет их мыть до тех пор, пока после споласкивания тряпки вода не окажется прозрачной. Последние жильцы, съехавшие вчера, были людьми аккуратными, но все равно грязищи после них осталось – ужас просто! А предлагать квартиру для сдачи новым нанимателям Анна стремилась в стерильном состоянии. Никто не должен иметь права говорить, что она – плохая хозяйка.

«Аккуратные» последние жильцы уборку, конечно, делали регулярно, но вот с руками у них определенно имелись проблемы, и немалые. Кран на кухне совсем расшатался и подтекал, дверца одного из кухонных шкафчиков закрывалась и открывалась с большим усилием, в двух-трех местах отклеились обои, а ручку на одном из стеклопакетов заклинило намертво. После передачи ключей и окончательного расчета Анна придирчиво осмотрела жилище, составила список необходимых работ, вызвала мастеров, сама проследила за тем, чтобы все было сделано, после чего пришла сюда на весь день, чтобы произвести генеральную уборку. Из техники она признавала только пылесос, все остальное – ручками, ручками. Чтобы ни пылинки, ни соринки, ни пятнышка, ни царапинки. Оплату она просила высокую, все-таки квартира в центре города, и окна выходят на сквер, а не на проезжую часть, но за эти деньги Анна считала себя обязанной

поддерживать жилище в таком состоянии, чтобы было не стыдно.

Вода, в которой промывалась половая тряпка, достигла наконец требуемой степени чистоты, и Анна с удовлетворением отерла вспотевшее лицо рукавом футболки: вот теперь можно звонить Оксане. Или сперва принять душ и переодеться? Нет, все-таки сначала она позвонит, пусть квартиру уже выставляют. Конкуренция на рынке съемного жилья высокая, предложений много – клиентов все меньше и меньше, в стране кризис, у людей нет денег на то, чтобы снимать дорогие квартиры, все стараются найти подешевле, поэтому нельзя упускать ни малейшей возможности. А вдруг именно в эти полчаса, пока хозяйка будет мыться и переодеваться, в риелторскую контору обратится новый потенциальный клиент?

Насухо вытерев руки, Анна достала из сумки телефон и нашла номер Оксаны из агентства.

– Я закончила, – сообщила она. – Можете выставлять.

– Хорошо, Анечка, я поняла. С показами – как всегда?

– Да, все как обычно, я практически постоянно дома. Позвоните – и я через две минуты буду на месте.

Перед уходом Анна еще раз обошла квартиру, рассматривая пристально каждый сантиметр: не упустила ли чего? Не остался ли хоть где-нибудь маленький признак небрежности или неряшливости? Что-то поправила, что-то подтерла. Тихонько вздохнула, глядя на удобный, купленный пару лет назад диван. Когда-то на этом месте стояла ужасная пружинная никелированная кровать, на которой лежала, не вставая, Анина старенькая бабушка. Бабушка уже не ходила и почти все время дремала, и Аня по очереди с мамой всегда находились рядом, чтобы поднести судно, дать лекарство, покормить, налить чаю или просто поговорить, если бабушка проснется. В общем-то, мамина очередь бывала реже, но это и понятно: работа с девяти до шести, потом в магазины за продуктами, потом на кухне еду готовить. Аня приходила из школы, быстро и ловко убирала квартиру и усаживалась рядом с бабушкой, делала уроки, потом читала. Читала она много, запоем. О том, чтобы пойти с подружками погулять или в кино, даже речи быть не могло. И, как бывало всегда, когда Анна вспоминала дни и часы, проведенные в этой комнате, и свою злость на бабушку, и на маму, и на

обстоятельства, вынуждающие ее отказываться от обычной, такой притягательной и волнующей девичьей внешкольной жизни, она почувствовала, как внутри оживает и поднимает голову один из дремлющих Гадов. Оживает... и начинает нашептывать: «Ты была плохой внучкой. Ты сердилась на бабушку, ты считала ее виноватой в том, что у тебя нет той жизни, которой живут все твои ровесницы. Бывали минуты, когда ты ненавидела ее. Ты плохая, плохая и злая». Анна точно знала, что будет происходить дальше. Сейчас очнется Надсмотрщик и постарается загнать Гада назад, в темный глубокий подвал. Так и есть: сердце заколотилось, ее обдало жаром, ноги ослабели и задрожали – налицо все признаки появления Надсмотрщика. «А разве есть на свете девочки, которые в такой ситуации и в таком возрасте думали бы и чувствовали иначе? – зазвучало у нее в голове. – Ты не должна себя винить и считать плохой, ты очень хорошая, потому что выполняла все, что должна была, выполняла добросовестно и ответственно, ты ни разу не подвела маму, ни разу не оставила бабушку без присмотра, кроме тех часов, когда была в школе, но и в школе ты ни разу не задержалась ни на одну лишнюю минуточку. Тебе не в чем себя упрекнуть. Да, ты иногда злилась, но ты имела для этого все основания. И кто бы не злился? Нет таких. Ты честно отдала бабушке шесть лет из своей подростковой и юношеской жизни, не гуляла с подругами, не встречалась с мальчиками, не бегала в кино и на концерты, не приглашала к себе в гости и сама никуда не ходила. Разве ты обязана была при этом испытывать удовольствие и восторг? Делать ты должна была то, что положено, и ты делала, а вот что ты чувствовала – никого не касается. Ты имеешь право чувствовать так, как ты чувствуешь, и никак иначе».

Анна снова вздохнула, на этот раз громко и тяжело, почти со стоном, вышла из квартиры, заперла дверь и поднялась к себе, на два этажа выше.

* * *

Родители Анны выросли в этом доме. Мама жила на третьем этаже, папа – на пятом. Познакомились сразу после переезда, когда девочке Светочке было восемь, а мальчику Вите – одиннадцать. Ходили в разные школы, Света – в специализированную английскую, Витька – в обычную, на соседней улице, и компании у них были тоже разные. Он закончил школу, провалился на вступительных в институт и пошел в армию, когда вернулся – закрутил роман сначала с продавщицей из ближайшего универмага, потом с какой-то девицей, с которой познакомился на дискотеке. Светлана к тому времени поступила в институт и с удовольствием погрузилась в веселую студенческую жизнь. Так и

жили они, Виктор с пятого этажа и Света с третьего, зная друг друга в лицо и по имени, но будто и не замечая. А потом, в один прекрасный день, вдруг заметили.

Все получилось молниеносно. И поженились скоро, и Анютка родилась меньше чем через год после свадьбы. Энергичный и спортивный Виктор любил альпинизм, серьезно увлекался им, постоянно тренировался, во время отпусков ездил с группами на восхождения. Из такой поездки он и не вернулся.

Светлана в двадцать пять лет осталась вдовой с двухлетней дочкой. «Видно, такая судьба у баб в нашем роду – девок без мужиков растить, – приговаривала ее мать, Анина бабушка. – Я тебя без мужа вырастила, вот и тебе придется». Была она женщиной ворчливой и не особенно приветливой, но лишь на поверхности, на словах, а в поступках – щедрой и любящей. Анютку растить помогала, весь быт на себя взяла, чтобы Светочке полегче было, чтобы время ей освободить для личной жизни. Бабушка никогда не была замужем, считала из-за этого свою жизнь ущербной и неправильной, горячо радовалась, когда дочь вышла замуж, а после гибели Виктора постоянно говорила о том, что «хоть какой-никакой, а мужик нужен». Посему старалась, чтобы у овдовевшей дочери была возможность «как-то устроиться». А что она могла? Не подыскивать же Светлане женихов... Вот только хозяйство и внуку на себя взять, чтобы у дочки время свободное было куда-то сходить, с кем-то познакомиться.

Горевала Света не очень долго, и сколько Аня себя помнила – всегда у матери кто-то был. С некоторыми она просто встречалась где-то, некоторые жили с ними, кто по несколько месяцев, а кто и на пару лет задерживался.

Все закончилось, когда бабушка внезапно слегла. Сначала вроде бы просто заболела, ее даже в больницу положили, и Аня была уверена, что из больницы выпишут уже совсем здоровую бабулю, такую же, как прежде. Однако из больницы мать Светланы привезли на «Скорой» и в дом внесли на носилках. Переложили на кровать, и больше она уже не вставала. Аня тогда училась в седьмом классе.

С того дня жизнь Светланы и Ани изменилась радикально. Все стало подчиняться одному незыблемому правилу: кто-то должен сидеть с бабушкой. Светлана попыталась найти работу только на вторую половину дня, чтобы находиться дома, пока дочь не вернется из школы. Работа такая нашлась, но

очень скоро выяснилось, что ненадолго. Да и денег за эти полставки выходило недостаточно, чтобы прокормить семью из трех человек. Пенсию бабушкину можно было не учитывать: копейки. Светлана вернулась к работе на полную ставку, договорившись с двумя соседками по дому, чтобы заходили хотя бы раз в час проведать больную, пока Аня в школе. Просить посторонних людей подать и вынести судно было неловко, да они и не согласились бы, но хотя бы проверить, все ли в порядке, напоить чаем, вызвать врача, если надо... Больше обращаться за помощью оказалось не к кому: родители Виктора скончались один за другим примерно за полгода до того, как слегла бабушка. После гибели единственного сына они сразу резко сдали, не справившись с горем, и болезни посыпались на них одна за другой. Квартира их, по всем документам оформленная на внуку, теперь стояла пустая, но жить в ней было некому. Светлана предприняла было попытку найти сиделку «с проживанием»; ей, выросшей в советское время, казалось, что предоставление двухкомнатной квартиры в центре города бесплатно является само по себе таким благом, перед которым устоять невозможно. Однако иллюзии рассеялись быстро: почему-то Светлана не подумала о том, что сиделке нужно чем-то питаться, как-то одеваться и ездить в городском транспорте, а при таком режиме занятости, какой требовался нанимательнице, никакого приработка эта сиделка организовать себе не сможет и никаких других доходов не получит. Так что человека, готового без всякой оплаты сидеть с бабушкой только лишь за право бесплатно жить в хорошей квартире, не нашлось, а платить даже минимальную зарплату Светлана не могла совсем. Квартиру родителей Виктора, теперь уже Анечкину, решено было сдавать, потому что зарплаты Светланы и двух крошечных пенсий – бабушкиной и Аниной «по потере кормильца» – никак не хватало на жизнь троих человек: часть лекарств бабушке полагалась бесплатно или со скидкой, но другую часть приходилось покупать за полную стоимость, да и «льготных» препаратов в аптеках – наищешься, редко бывают, а вместо них предлагают дорогие «аналоги», за которые тоже нужно платить из собственного кармана.

Решение о сдаче квартиры пришлось отвоевывать в жесточайших битвах: интеллектуально сохранный, но обездвиженный мать Светланы была категорически против: «А куда ж ты кавалеров водить будешь? Не сюда же! В нашей хате все болезнью пропахло, Анютка то и дело с судном туда-сюда мотыляется, «Скорая» приезжает чуть не через день. А без мужика – это не жизнь. Мужик нужен. Значит, и место для жизни с мужиком нужно». Первое время Светлана против этого тезиса не особо возражала, соглашалась с матерью: красивой молодой женщине хотелось романтических отношений и замужества. С поклонниками у нее проблем не было, а вот с деньгами – были. Прожив несколько месяцев в режиме жесточайшей экономии и в надежде на то,

что врачи ошиблись и бабуля все-таки встанет на ноги, Светлане пришлось отказаться от активной личной жизни и квартиру сдавать. Ее последним аргументом, перед которым мать спасовала, были слова: «Мама, если мы будем жить на одну мою зарплату и две пенсии, то и личной жизни у меня совершенно точно не будет. Кому я буду нужна – неухоженная, плохо и немодно одетая, замученная безденежьем? Только алкашам каким-нибудь опустившимся. Раньше нам хватало денег на все, потому что я работала как вол, не вылезала из командировок, оставляя Анютку на тебя, и за такую работу хорошо платили. А теперь я могу себе позволить только работу в бюджетной организации с жестко нормированным рабочим днем и без командировок, и на такой работе зарплата высокой не бывает».

Бабушка сдалась, хотя еще долго сердилась и ворчала.

Обычно люди к собственному жилью относятся бережно, а вот к съемному – кое-как: не мое, да и временное. Сдаваемая внаем квартира на пятом этаже через три-четыре года приобрела вид совершенно ужасный, но позволить себе сделать ремонт Светлана никак не могла, берегла каждую копейку, остававшуюся после самых необходимых трат: продукты, лекарства, квартплата и коммунальные услуги, одежда для дочки Ани, бесконечные взносы в школу. Появился рядом с ней мужчина, ради которого ей хотелось хорошо выглядеть, а на это нужны деньги, и немалые... Правда, жил этот мужчина далеко-далеко, а к ним в город наведывался только в командировки, хотя довольно частые, а порой и длительные.

Когда бабушка умерла, Светлана заявила дочери:

– Все, Анютка, теперь давай сама, а я к Никите уезжаю. Оставляю тебе две квартиры, распоряжайся ими, как хочешь, мне уже сорок три года, и я свой шанс упускать не могу. Другого такого, как Никита, мне не найти, он ведь столько лет ждал, когда я смогу наконец к нему приехать.

Аня совершенно не понимала, что мать нашла в этом Никите – неказистом и, на ее девичий взгляд, глуповатом. И почему он не может переехать сюда и нормально работать в их городе? Почему надо обязательно уезжать за тридевять земель? Медом там намазано, что ли? С другой же стороны – и хорошо, и пусть мама едет, куда хочет, а у Ани начнется настоящая свобода! Теперь-то она наверстает все, что упущено за годы сидения возле бабушкиной постели.

Вот так двадцатилетняя Анна Зеленцова, студентка третьего курса филфака, осталась в родном городе совершенно одна, зато с двумя квартирами в одном подъезде. Дождавшись, когда съедут последние наниматели, Аня внимательно изучила жилище и оценила масштаб разрушений. Да уж... Чтобы привести это в вид, «пригодный для логарифмирования» (это выражение она вынесла из школьных уроков математики и очень любила им пользоваться), нужно вкладывать и вкладывать... С такой же тщательностью она оценила и ту квартиру, в которой жила. Бабушка была чистюлей и аккуратисткой, и дочь свою так же воспитала, и внучку, любая соринка, царапинка или неисправность устранялись немедленно. Аня обошла строительные рынки, покопалась в Интернете, просидела несколько дней со сметами и расчетами и пришла к выводу, что если она собирается продолжать учебу в институте, то есть не работать и не получать зарплату, то ей придется переехать на пятый этаж и жить в загаженном и раскуроченном «сарая», а квартиру на третьем этаже сдавать. Поскольку квартира не в идеальном состоянии, то на первое время цену за найм она определит не очень высокую, подкопит денег, подремонтирует, купит кое-что из мебели, потом плату поднимет и начнет копить на то, чтобы привести в божеский вид отцовское жилище, в которое сейчас и людей-то пускать стыдно, и стоимость придется назначать копеечную: у Ани просто совести не хватит требовать высокую оплату за этот свинарник.

План свой, расписанный по суммам и срокам, Аня выполнила за три года. А вот с планами «наверстать упущенное» как-то не задалось. Девушка даже не смогла понять, когда, в какой момент, после каких событий в ней поселились эти Гады, постоянно мешавшие ей наладить нормальные отношения с людьми. Аня так мечтала о том, что у нее будут подруги, с которыми она после занятий будет ходить во всякие приятные места, и они будут разговаривать обо всем на свете! В голове засела фраза, вычитанная у кого-то из классиков девятнадцатого века: «Я теперь непременно хочу говорить с вами, вы должны мне все рассказать, все-все». Как можно было судить из литературы, в те времена люди вообще любили поговорить, а именно эту литературу Аня и читала, сидя с бабушкой. В доме были многочисленные собрания сочинений русской классики, доставшиеся от родителей отца, а на покупку современной литературы мама денег не давала. Ане казалось, что вот теперь-то у нее появятся друзья, с которыми она будет и говорить о личном, и обсуждать книги и вместе посмотренные фильмы. Но почему-то оказалось, что за три первых года обучения все компании на курсе уже сложились и укрепились, а Зеленцову все привыкли считать нелюдими и необщительной. На нее просто-напросто перестали обращать внимание. И пришлось приложить немало усилий, чтобы студенты-одногоруппники поняли:

если они задумают собраться и потусить, то теперь Аня не откажется, она веселая и умная девчонка, а домашняя ситуация, не позволявшая ей участвовать в общих затеях, изменилась.

Первым неожиданным и довольно неприятным открытием оказалось осознание того, что в этих затеях ей откровенно скучно. Разговоры все поверхностные, обезличенные какие-то, и вместо глубокого, как ей мечталось, обмена чувствами и ощущениями была только оглушительная музыка, выпивка, духота и непереносимый шум. Нет, не этого ей хотелось, совсем не этого... И почему она была такой душой! Злилась на бабушку и завидовала тем, кто может позволить себе после занятий потусоваться... И что в этом хорошего? Ровным счетом ничего. Ей хотелось «задушевных» подруг, но все девчонки в группе и на курсе таковых уже давно имели и приближать к себе Анну Зеленцову не намеревались.

Она поняла, что на сокурсников рассчитывать нечего и если она хочет иметь близких подруг, нужно искать работу, которой можно заниматься, не прерывая учебу. Преподаватели всегда хвалили ее письменные работы, отмечая отточенность слога и выразительность стиля. Писала Анна действительно легко, быстро и без малейшего напряжения. А ведь на отделениях филологии или журналистики всегда находятся, причем в огромном количестве, те, кто совсем не умеет писать, но зато может заплатить. Аня разместила объявления в Интернете на местных городских сайтах, ведь для нее важным было познакомиться лично и завязать отношения. К ее большому удивлению, на объявления откликнулись первыми вовсе не студенты многочисленных вузов города, а рекламщики и промоутеры: идеи в их головах кипели и бурлили, а вот внятно их сформулировать и придумать красивый и броский слоган получалось далеко не у всех.

Она принялась ездить на бесконечные встречи, выслушивала идеи, получала задания, выдавала результат и с удовлетворением отмечала каждую новую сумму, появляющуюся или на ее карточке, или в кошельке. Суммы были не бог весть какими, но зато ее надежды на новые знакомства оправдались полностью. Анечка действительно была милой, обаятельной и умной девушкой, очень хорошенькой и располагающей к себе. На ее предложение «пойти выпить кофейку в ближайшую забегаловку» никто не отвечал отказом, и почти всегда после этого следовал обмен телефонами и искреннее желание новой знакомой (или знакомого) пообщаться еще раз в неформальной обстановке. А дальше начались новые неожиданности, еще более неприятные, чем те открытия,

которые Аня сделала для себя после первых студенческих вечеринок.

Она была патологически честна. Не то чтобы Аня Зеленцова не умела лгать, нет, конечно. Отлично она умела и, как и все люди, регулярно лгала по тому или иному поводу. Но говорить о себе неправду тому, кого стремишься считать другом, близким человеком, Аня считала бессмысленным. Если нельзя сказать правду о себе и о своих мыслях и чувствах, то зачем тогда нужны эти отношения? Иметь подруг или хотя бы только одну подругу ей хотелось именно для того, чтобы открывать всю себя, ничего не искажая и не приукрашивая, и ощущать при этом, что это для кого-то важно, интересно и небезразлично. Слишком долго просидела она возле бабушки, ничем и ни с кем не делаясь, только поглощая книги одну за другой... Когда Аня, читая Достоевского, попыталась поговорить с бабушкой о стремлении к страданию и униженности, то понимания не встретила: бабушка, всю жизнь проработавшая швеей, книг не читала вообще, разве только в школьном детстве. Маме – так и вовсе не до разговоров было, она не видела в дочери личность, полагая, что в ребенке не может быть ничего интересного, а вот успеть купить продукты, приготовить еду и еще выкроить время на свидание – совсем другое дело. Девочка здорова, прилично учится и успевает после школы не только уроки сделать, но и всю квартиру вылизать, а больше Светлану ничего не интересовало.

Все, что накопилось в ее душе за долгие шесть лет вынужденного одиночества, Ане хотелось излить. И свою злость на бабушку, и чувство вины за эту злость, и стыд за то, что мама поставила всю свою жизнь в полную зависимость от мужчин, которые оказались для нее важнее дочери, и ощущение собственной ущербности при мысли о том, что если мужчины для мамы важнее, то, стало быть, она, Аня, плохая, недостойная того, чтобы занимать в жизни и в душе матери сколько-нибудь существенное место. Ну конечно, она плохая, потому что ее не только мама не любит, но и ее мужчины не считают девочку человеком. Когда Ане было лет семь или восемь, с ними жил очередной мамин «гражданский муж», разведенный, оставивший в прежней семье двоих детей. И когда Анечка спросила его: «Можно я буду называть вас папой?», резко ответил: «Нельзя. У меня есть свои дети, для них я папа, для тебя – нет». Наверное, именно тогда в Ане впервые поселилась мысль о том, что она недостаточно хороша...

Все это и многое другое она не только честно и подробно рассказывала тем, кто, как ей казалось, готов был с ней общаться, но и описывала в длинных прочувствованных посланиях по электронной почте или в соцсети, стремясь

выговориться до самого доньшка, открыться полностью и сделать себя понятной для собеседника. И вдруг в какой-то момент ей начинало казаться, что процесс идет... как бы это сказать... не обоюдно, что ли. Никаких глубинных переживаний и откровений в ответ она не получала. Аня начинала злиться и требовать взаимной откровенности, потом следовали упреки в скрытности, затем наступала очередь подозрений: она (или он) все обо мне знает, я все рассказала, я перед ней (ним) как голая на площади, а она (он) ничем со мной не делится и наверняка хочет использовать информацию обо мне против меня же. Аня устраивала скандал с «разбором полетов», чаще всего в письменной форме, прерывала отношения, блокировала абонента в почте и соцсетях, долго страдала, рыдала и мучилась и... Начинала новый виток, уже с другим кандидатом в «близкие».

Если кандидат оказывался мужского пола, поводов для переживаний и страданий обнаруживалось еще больше. Долго не предлагает интим – значит, она некрасивая, мерзкая, ему противно к ней прикоснуться. Слишком быстро предлагает – значит, хочет ее использовать просто как очередной «кусочек мяса». Каждое лыко было в строку...

Закончилась учеба в институте, Аня устроилась на работу, была хорошо принята в новом коллективе, стала завязывать знакомства и пытаться выстроить все-таки именно такие отношения, о которых мечтала. Все попытки провалились. Ей даже в голову не приходило, что далеко не каждый человек испытывает потребность вываливать Анне Зеленцовой всю грязь со дна души. Во-первых, у многих ее сотрудников уже и так есть близкие люди, с которыми они делятся чем-то глубинным, и в новых слушателях они не нуждаются. Во-вторых, очень мало кто на самом деле умеет признаваться себе во всем том тяжелом, неприятном, а порой и постыдном, что лежит внутри, а коль не умеют признаваться себе, то не могут и озвучить вовне. Приговор Ани всегда был короток и скор: не хочешь быть со мной откровенным – значит, ты враг, ты копишь против меня негативную информацию и потом ударишь в спину. Она считала себя совершенно обыкновенной, и вывод из этого делала самый простой: если я такая же, как все, то все должны быть такими же, как я. Наталкиваясь на любую несхожесть, Аня немедленно ударялась в одну из двух крайностей: либо она плохая и недостойная, либо этот человек – враг.

Спустя года полтора после прихода на работу Анна Зеленцова поняла, что трудиться в коллективе не может. Отношения со всеми или испорчены окончательно, или вызывают у нее самой болезненное раздражение, словно

наждаком проводят по открытой ране. Дождавшись момента, когда все задачи по ремонту отцовской квартиры были успешно решены и никаких дополнительных вложений больше не требовалось, Аня уволилась и решила какое-то время посидеть дома, чтобы попытаться разобраться, что же с ней не так.

Она сутками не вылезала из-за компьютера, читая научную и популярную литературу по психологии, изучала все написанное на форумах психологических сайтов. И наконец сформулировала сама для себя вывод: у нее внутри сидят четыре группы сущностей. Первые – это Гады, то есть те психологические травмы, болезненные и ужасно живучие, которые копились там с самого раннего детства. Вторые – Надсмотрщики, которые зорко следят за тем, чтобы Гады не высовывали голову и не мешали нормально жить. Если Гады говорили: «Ты плохая», то Надсмотрщики тут же выдвигались с объяснениями, что Аня вовсе не плохая, она обыкновенная, и все люди на ее месте сделали бы или подумали бы точно так же.

Третьи из внутренних сущностей получили у Анны название «Искатели», то есть те, кто изо всех сил стремится включить ее в межличностные отношения, такие, о каких она мечтает, чтобы в этих отношениях получить наконец удовлетворение, покой и достаточную самооценку. Искатели помогают Ане быть вежливой, приятной во всех отношениях, искренней, потому что нужно же располагать к себе людей, чтобы они захотели выстроить и поддерживать отношения с ней. Искатели постоянно твердят: «Где-то есть, есть человек, который даст тебе то, к чему ты стремишься, и это тебя исцелит. Нужно только не переставать искать, нужно надеяться и не оставлять попыток».

Четвертые же сущности, поименованные Защитниками, просыпались спустя некоторое время после того, как Искатели находили очередного человека. Просыпались, отпихивали Искателей и грудью защищали границы Аниной души, чтобы этот новый человек не сумел нанести неожиданный, подлый и коварный удар. «Он все врет, – злобно нашептывали Защитники, – у него насчет тебя составлен целый план, он собирается все выудить у тебя, все вызнать, а потом публично опозорить. Не верь ему, не давай себя обмануть, верить никому нельзя».

Разумеется, с головой у Анны Зеленцовой было все в полном порядке, никаких голосов она не слышала и никаких таких «сущностей» внутри себя не ощущала. Термином «сущности» она назвала разные группы аргументов, теснившиеся в ее

сознании и в тех или иных ситуациях выступавшие на первый план. У Ани было хорошее образное мышление, а сформулировав для себя теорию четырех сущностей, она начала гораздо лучше понимать собственные поступки и чувства. Иногда ей даже удавалось прослушать разговоры сущностей словно бы со стороны. Например, как только Защитники озвучивали аргумент про «опозорить публично», Надсмотрщики тут же возражали: «Она что, звезда шоу-бизнеса или политики? Кому нужно ее публично позорить?» После этого в щель просовывалась голова одного из Гадов, который начинал шипеть: «Ну само собой, она никто, она никому не интересна и никому не нужна, она ни для кого не важна...»

Множество прочитанных в подростковом возрасте книг дали Ане умение чувствовать текст и в качестве носителя информации, и в качестве зеркала, отражающего сиюминутное состояние ума и души писавшего. А вот вынужденное ограничение неформальных контактов оставило огромный пробел: она так и не научилась определять настроение собеседника по лицу, голосу, интонациям и поведению. Чтение материалов по психологии на многое открыло ей глаза. И Анна пришла к выводу, что лучше всего для нее работать дистанционно, то есть сидеть дома, составлять документы, тексты, деловые письма, делать рефераты, курсовики, статьи. Она готова была даже заниматься литературной обработкой мемуаров и была уверена, что получится у нее хорошо. И знакомиться с людьми тоже лучше всего в соцсетях, на каких-нибудь интересных форумах, потому что написанным словом ее трудно обмануть, а вот произнесенным – легко. И только после того, как она убедится, что ее собеседник – не враг и не злоумышляет против нее, можно будет познакомиться в реале.

С того момента прошло много времени, и теперь Анна Зеленцова была известным блогером, сидела дома и жила на деньги, получаемые за сдачу внаем квартиры на третьем этаже, за периодические подработки и за участие в программе. Спасибо соседу с восьмого этажа, Аркадию Михайловичу, полковнику полиции в отставке: он знал Аню и ее семью много лет, и когда им понадобился человек, умеющий писать материалы так, чтобы за душу хватало, вспомнил о ней. Правда, сосед-то он давно уже бывший, пару лет назад вместе со всей семьей переехал в дом получше, а квартиру в их доме оставил, как он сам говорил, «для родни, которой по всей стране и ближнему зарубежью – видимо-невидимо, и все очень любят в гости приезжать». Правда это или нет – Анечка не вникала, но в той квартире и в самом деле то и дело кто-то жил, кто день-два, кто неделю-другую, и все это были люди для бывшего полковника не посторонние, потому что и самого Аркадия Михайловича видели в доме, когда

гости приезжали.

Однажды Аня набралась храбрости и, столкнувшись у подъезда с выходящим из дома Аркадием Михайловичем, спросила:

- Это действительно ваши родственники приезжают?

Сосед насмешливо, но внимательно глянул на нее.

- А ты что же, полагаешь, что это всё мои любовницы и любовники, что ли? Ну и вопросы у тебя, Анютка!

- Просто я подумала, что... ну, что они тоже... как я...

Они стояли на улице вдвоем, рядом никого не было, и никто не мог слышать их разговор, но Аня все равно ужасно боялась произносить вслух то, что казалось ей невероятно секретным. Аркадий Михайлович в ответ улыбнулся, потрепал ее по макушке, сел в свою машину и уехал. Никаких подробностей про ту самую программу он Ане не рассказывал, просто предложил неплохо оплачиваемую, но нерегулярную работу, которая поможет тем, кто хочет прекратить царящий сегодня в стране произвол правоохранительной системы. Сколько их, «тех, кто хочет прекратить», где они, чем занимаются – ничего этого Аня не знала и знать не особенно стремилась. Просто понимала, что не одна же она такая... Не может же вся программа выполняться силами двух человек – Аркадия Михайловича и ее самой, значит, где-то есть еще люди, и их, вероятнее всего, очень и очень немало. Вот и спросила.

А он не ответил. Или все-таки ответил? Можно молчание и улыбку Аркадия Михайловича расценить как полноценный ответ? Ах, если бы у Ани было побольше опыта в общении с людьми... Если бы она умела «считывать» и расшифровывать эти знаки...

* * *

Новый наниматель появился довольно быстро, и Аня уже в который раз мысленно поблагодарила судьбу за то, что познакомилась в свое время с этой чудесной Оксаной из риелторского агентства. Оксана, крупная яркая женщина

лет сорока пяти, энергичная и громогласная, мать троих детей, отчего-то сразу прониклась к хрупкой хорошенькой, такой ответственной и аккуратной Ане Зеленцовой какой-то нежностью и стремлением опекать ее и непременно выдать замуж. Замуж Ане не хотелось, причем никаких собственных аргументов против семейной жизни у нее не было, а было только саднящее чувство презрения к матери, которая ради замужества готова была на все. Проще говоря, в голове у девушки засело непримиримое противоречие: быть замужем – хорошо, но хотеть выйти замуж – плохо.

– Анютка, сегодня показ в час дня, приведу тебе хорошего мальчика, ты уж постарайся ему понравиться, – заявила Оксана по телефону.

– А зачем я-то должна ему нравиться? – не поняла Аня. – Он же квартиру снимать собирается, а не на мне жениться.

– Дуреха! Ты слушай, что тебе старшие говорят! Он беспомощный совсем, маменькин сынок, ничего не умеет, даже яичницу пожарить не сможет. А ты там рядом, под боком... Ну? Поняла теперь?

– Да не буду я! – зло вспыхнула Аня. – Еще чего не хватало!

– Так за деньги же, Анюта, за дополнительные деньги. Я ему так и сказала: дескать, хозяйка квартиры в том же подъезде проживает, и если хотите – попробуйте с ней договориться, может, она вам с бытовыми проблемами как-то поможет. А то явился такой, типа аленький цветочек, помогите, говорит, квартиру снять, только чтобы инфраструктура в микрорайоне была развитая, чтобы кафешек всяких и фастфуда было много, а то я готовить не умею... Жалобный такой... Сразу видно, что от материнской юбки впервые в жизни отполз. Москвич, между прочим, – многозначительно добавила Оксана.

– И чего его к нам занесло?

– Ну, об этом я не спрашивала, это не наше дело. Квартиру хочет снять на полгода как минимум. Короче, в час встречаемся, и чтоб ты была при полном параде.

«Перебьетесь», – мысленно буркнула Аня.

Ей представлялся типичный «офисный планктон», в костюмчике с галстуком, с аккуратной стрижкой и непременно в очках. И еще у него обязательно должен быть противный тонкий голос и слащавая улыбочка. Почему-то слова Оксаны о «маменькином сынке» вызывали у Ани именно такую ассоциацию. Подобные типы ей никогда не нравились. И она, разумеется, и пальцем не пошевелит, чтобы постараться произвести впечатление на этого субъекта. Поэтому когда звякнул домофон и громкий голос Оксаны возвестил о том, что «пришли на показ», Анна взяла ключи от квартиры на третьем этаже и спустилась вниз, не бросив в зеркало даже мимолетного взгляда. Ей было абсолютно все равно, как она выглядит.

Оксана, вероятно, была прирожденной актрисой, во всяком случае, во время «показов» она вела себя совершенно не так, как с Аней наедине: была сдержанной, немногословной, даже и голос ее вроде как утихал, во всяком случае, ни один клиент не смог бы отметить, что представитель агентства на них пытается давить. Вот и сейчас при виде Анны она не выказала никакой «дополнительной» приветливости, коротко поздоровалась и представила ее стоящему рядом парню, при первом же взгляде на которого девушка растерялась. Совсем, ну просто ни одной самой маленькой капельки не соответствовал он тому образу «маменькиного сынка», который Аня себе уже нарисовала в голове. Высокий, длинноногий, с забранными в «хвост» волосами, в джинсах и распахнутой куртке, под которой виднелся недорогой и явно не новый темно-синий свитер. Очки оказались единственным, что Аня угадала заранее. Парень по имени Никита хмуро кивнул хозяйке, не произнеся ни слова, так что и с улыбкой Аня явно промахнулась, и голос в первый момент услышать не удалось.

«Надо же, имя какое противное, – тут же подумала она, радуясь, что хоть в чем-то нашла повод не любить нового нанимателя. – Ненавижу это имя с тех пор, как мама меня на своего Никиту променяла».

Отперев дверь, она начала показывать квартиру. Когда дело дошло до маленькой кладовки, в которой хранились пылесос, гладильная доска с утюгом-парогенератором и некоторые наиболее громоздкие предметы кухонной техники вроде электровока и хлебопечки, Никита впервые заговорил:

– Я с этим не разберусь. Вы лучше мне потом расскажете, где тут поблизости можно пожрать или купить что-нибудь готовое.

«И не противный у него голос, – даже как-то удивленно подумала Анна. – Обыкновенный. Ничего выдающегося, но уж точно не противный».

– Потом? – уточнила Оксана, слегка улыбнувшись. – Надо так понимать, что квартира вас устраивает и вы готовы подписать договор?

– Вполне устраивает.

– Отлично. Тогда сейчас проедем к нам в офис, закончим все вопросы с документами и финансами, и можете заселяться. Когда вернетесь сюда – Анна вас встретит, передаст ключи и ответит на все ваши вопросы.

Оксана с Никитой уехали, а Аня вернулась к себе и села за компьютер: нужно было закончить наконец реферат по Державину, заказанный какой-то студенткой, которая была достаточно трусливой, чтобы бояться скачивать уже готовые рефераты из Интернета (их скачивали все, кому не лень, и всегда высок был риск спалиться, если преподаватель вьедлив и обладает хорошей памятью), достаточно честолюбивой, чтобы стремиться получать только отличные оценки, достаточно богатой, чтобы платить Ане, и достаточно тупой, чтобы не суметь написать работу самостоятельно.

Новый жилец вернулся часа через два. Аня отдала ему ключи и быстро оглядела багаж: небольшой чемодан на колесиках и сумка с ноутбуком. Выражение лица его было по-прежнему хмурым, но Ане вдруг показалось, что взгляд у него неуверенный и какой-то даже робкий, что ли. Может, и в самом деле впервые уехал из дома, от мамы оторвался...

– Вы с уборкой сами справитесь? – строго спросила она, вспомнив нескрываемый ужас, мелькнувший в глазах Никиты при виде пылесоса и парогенератора. – Хотелось бы, чтобы вы за полгода не привели квартиру в состояние свинарника.

Никита помолчал, обводя глазами стены, мебель и пол.

– А можно на «ты»? – внезапно спросил он. – Не умею я все это... Церемонии всякие... И уборку тоже не умею, если какая-то особенная. Ну, бумажки там выбросить, окурки – это само собой.

Аня улыбнулась.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать четыре. А тебе?

– Мне значительно больше, – усмехнулась она. – Почти тридцать. А в грязи жить нельзя. Если не умеешь сам делать уборку, найми кого-нибудь, клининговых фирм полно.

– Оксана сказала, можно с тобой поговорить... – осторожно произнес Никита. – Она сказала, что ты работаешь дома, почти никуда не ходишь... И... Ну, насчет уборки и насчет жрачки... Если что...

«Гигант речи, – мысленно рассмеялась Анна. – И гигант самостоятельного решения бытовых проблем. Привык, наверное, что мамочка для него все делает».

Она вздохнула и назвала сумму. Работы она не боится, а дополнительные деньги не помешают. Никита кивнул в ответ:

– Годится, потяну.

– Продукты сам будешь покупать?

– Да какие там продукты, – он вдруг улыбнулся и как-то очень по-мальчишески взмахнул рукой. – Я макароны люблю. Больше всего на свете. А если макароны не получается, то бургер какой-нибудь. Но лучше макароны. Или жареную картошку.

– Значит, так, – сухо проговорила Аня. – Когда будешь готов – выйдем с тобой вместе, я покажу тебе микрорайон, расскажу, где у нас что находится. Картошку купишь сам и принесешь. И будешь следить, чтобы она не закончилась. Я тяжести таскать для тебя не собираюсь. Макароны тоже сам выберешь, какие любишь, и тоже будешь следить, чтобы всегда были в шкафу.

Никита взглянул на нее с каким-то даже интересом.

– А ты суровая, – протянул он.

– Я не суровая, просто захребетничества не выношу, – резко отпарировала она. – Если ты собираешься платить мне за то, чтобы я готовила еду и делала уборку, то покупка продуктов в эту цену не входит, и покупка чистящих средств для уборки, кстати, тоже. Не хочешь ходить по магазинам – стоимость будет выше. Я не бюро добрых услуг, у меня есть своя работа, а обслуживание жильца – просто подработка, источник дополнительного дохода.

– Ну чего ты взъелась-то? Я ж ничего такого... Ты – хозяйка, как ты скажешь – так и будет. Я буду платить, сколько назначишь.

«Покладистый, – отметила про себя Анна. – Или просто слабый и трусливый? Ладно, не имеет значения, он всего лишь жилец, имеет право быть каким угодно, это не мое дело».

Договорились через час выйти на ознакомительную прогулку. Зарядил снег с дождем, оба накинули капюшоны и прибавили шагу, чтобы побыстрее закончить обход. Аня показывала Никите магазины, точки общепита, офисы банков и компаний сотовой связи, медицинские учреждения, причем последние вызывали у парня искреннее недоумение.

– Да это-то зачем? – пытался сопротивляться он.

Было понятно, что он очень хочет скорее вернуться домой.

– Не хочу, чтобы ты звонил мне среди ночи, когда у тебя живот схватит или зуб разболится, – отрезала Аня. – Теперь сам будешь знать, куда бежать, если что.

Ей очень хотелось спросить, зачем этот парень приехал в их город на полгода, любопытно было до невозможности, но она сдерживалась. Ведь если он ответит, то получит право задавать ей вопросы и рассчитывать на ответы. А ей как реагировать? Врать – унизительно, откровенничать с малознакомым типом – опасно, грубить и отказываться отвечать – глупо. Так что лучше всего выстроить между собой и Никитой глухую стену и ни в коем случае не прорубать в ней даже крохотные оконца.

Первый монолог

Мне было лет пять или шесть, когда я впервые обратил внимание на музыку, которую слушает мой отец после того, как отгремит ставший уже привычным домашний скандал. Мама всегда пронзительно кричала и плакала, оглушительно дребезжала разбиваемая ею посуда, от громких звуков телевизора закладывало уши – отец прибавлял звук на максимальную мощность, чтобы ни я, малыш, ни соседи не слышали тех плохих грязных слов, которые мама швыряла ему в лицо.

«Мама болеет, – смущенно объяснял мне папа каждый раз. – Ты не должен бояться. Это как шторм, его надо просто пережить». Я верил. Болезнь – это было мне понятно. Боль в горле, высокая температура, рези в животе, разбитая коленка – все это знакомо и действительно рано или поздно проходило, просто это нужно было пережить, переждать, перетерпеть. Правда, и папа, и я сам болели, как мне казалось, не так противно, громко и устрашающе, как мама, но, наверное, болезни бывают разными... Я боялся этих маминых приступов и не любил их. Позже я понял, что и саму маму я боялся и не любил.

После того как мама затихала, отец уходил в их с мамой комнату, ложился на пол и включал музыку. Не похожую на ту, что раздавалась из телевизора или радиоприемника. Я даже не сразу сообразил, что это музыка, долгое время думал, что просто звуки окружающего мира. Когда я в первый раз спросил отца, он улыбнулся и ответил:

– У взрослых это называется музыкой для релаксации. Но для тебя это слово незнакомое, поэтому скажу попроще: это такая специальная музыка, которую люди слушают, чтобы успокоиться, если они сильно расстроены или рассержены.

– Вроде таблеток? – уточнил я, вспомнив, что мама пьет какие-то таблетки, когда нервничает.

– Совершенно верно. Умница, сынок, все схватываешь с первого раза, – похвалил меня отец, и мне было очень приятно заслужить его одобрение.

– А почему ты лежишь на полу, а не на диване? – спросил я. – На диване же удобнее.

- Если лежать на полу, то тело принимает более правильное положение, и мне легче расслабиться. Чем скорее я расслаблюсь, тем скорее успокоюсь и перестану расстраиваться.

Отец всегда разговаривал со мной очень серьезно, как со взрослым, не отмахивался от моих вопросов и старался все объяснить максимально доступно.

- Ты расстраиваешься из-за мамы? - догадался я. - Из-за того, что она болеет?

- Да, - ответил он, снова прикрывая глаза.

Но я не отставал. Я был нормальным любознательным ребенком, задающим множество вопросов.

- А мама может поправиться?

- Не знаю, сынок.

- А какая еще музыка бывает?

- Еще бывает музыка для медитации. Эта музыка позволяет человеку, который ее внимательно слушает, забыть о мелочах и погрузиться в размышления.

- А почему мама тоже не слушает эту музыку? Если это как таблетки, то пусть она тоже слушает и выздоравливает, - не унимался я.

- Маме музыка не поможет.

- Но почему? Тебе же помогает!

- Я здоров. Просто расстроен. А мама болеет. Это большая разница.

- А музыка для тех, кто болеет, есть?

- Нет, сынок.

- Почему?

- Потому что никто ее не придумал.

- Почему ее никто не придумал?

- Наверное, никто не смог. Это очень трудно.

- Почему это трудно? Для здоровых же придумали, так почему нельзя придумать для больных?

Отец открыл глаза и посмотрел на меня со своей доброй улыбкой.

- Помнишь, как недавно у нас перестал работать пульт от телевизора?

- Помню, - обрадованно кивнул я. - Ты постучал им по краю стола, и он заработал. Ты тогда сказал что-то про батарейки и контакты.

- Правильно. Пульт не сломался, он был здоров, и чтобы его починить, достаточно было просто потрясти его, тогда батарейки займут более правильное положение и плотно прижмутся к контактам. А если бы батарейки сели окончательно или вышла бы из строя электроника, то постукивание по столу не помогло бы. В этом случае пришлось бы принимать совсем другие меры.

- Какие? - настойчиво спрашивал я, не давая отцу спокойно слушать его лечебную музыку.

- Или менять батарейки, или нести пульт в мастерскую.

Объяснение про пульт, электронику и батарейки было мне понятно, я к тому времени уже вполне ловко справлялся со всей домашней техникой и с родительским компьютером, на котором были разные «игрушки».

Штормы накатывали на нашу семью все чаще и чаще и длились все дольше, и каждый раз после того, как они утихали, отец ложился на пол и слушал свою специальную музыку. Иногда я тоже приходил к нему, ложился рядом и слушал. Музыка была разная, у отца на полке стояло множество кассет и дисков. Я тогда

сделал вывод, что раз музыки для здоровых людей много, значит, придумать ее не так уж сложно.

Сначала я ничего не понял. Просто лежал рядом с папой и старательно слушал. Музыка мне не нравилась, она была какая-то расплывчатая, невнятная, не веселая и не грустная, вообще никакая. Но мне нравилось быть с отцом, ощущать нашу с ним общность и принадлежность к стану «здоровых». Ну и пусть музыка мне не нравится, зато мы с папой вдвоем и шторм уже позади, мы его перетерпели и пережили.

Когда мне исполнилось десять, маму забрали в больницу. Отец сразу сказал, что это надолго, а возможно, и навсегда. Я решил, что он обманывает меня, как это всегда делают родители в кино, если нужно скрыть от ребенка смерть.

- Мама умерла? - спросил я.

- Ну что ты, сынок!

По лицу отца я видел, что он испугался, но не оттого, что я угадал страшную правду, а просто от чудовищности самого предположения.

- Мама действительно в больнице, и мы с тобой можем ее навещать. Правда, я не уверен, что тебе это пойдет на пользу, потому что больница - это всегда очень тяжело, особенно такая, в которой лежит теперь наша мама. Но если ты очень захочешь, мы будем навещать ее вместе.

Мне стало страшно. Что же это за больница такая, в которую тяжело приходиться? К тому времени в больницах мне довелось полежать два раза, с пневмонией и с краснухой, и ничего страшного в них не было. Да, противно, да, скучно, бегать и играть не дают, мультиков по телику не посмотришь в свое удовольствие, и уколы болезненные, и еда отвратительная, и няньки злые, но все эти обстоятельства даже в моем тогдашнем возрасте не описывались словом «тяжело».

Ехать к маме в больницу я боялся и не хотел. Папа был рад, что я не настаиваю, и говорил, что сейчас маму усиленно лечат и доктора не советуют никому ее навещать, особенно детям.

– Но ты же едешь, – заметил я. – Почему ты едешь к маме, если доктора говорят, что нельзя?

– К маме меня не пускают, я приезжаю, чтобы передать продукты и лекарства и поговорить с доктором.

Никому и никогда я не признавался, что испытал облегчение, когда маму забрали в больницу. Жить в постоянном напряжении и ожидании очередного шторма, потом трястись от страха, когда на голову обрушивается лавина оглушительных резких звуков... Невыносимо. Любил ли я свою мать? Не знаю. Может быть, в самом раннем детстве, даже во младенчестве, и любил. А вот сейчас, когда мне двадцать пять, кажется, что нет, не любил. Я ее боялся, как люди боятся источников повышенной опасности. И ненавидел в те минуты, когда отец бывал расстроен из-за скандала. Мне кажется, что, если бы тогда на мой вопрос «Мама умерла?» отец ответил утвердительно, я бы даже не сильно огорчился.

После того как мамы рядом не стало, папа совсем перестал слушать свою лечебную музыку. Я очень его любил и радовался, что он стал спокойнее, больше не грустит, часто шутит, проводит много времени со мной. Мы вместе ходили в кино, вместе смотрели по телевизору боевики и разные развлекательные программы, вместе осваивали Интернет, когда он стал доступен. Жизнь налаживалась!

Лет в тринадцать до меня дошло наконец, что мама находится в психушке. Как я мог быть таким тупым и не сообразить этого раньше! Ведь все было так очевидно... И мамины истерики, и сочувственные взгляды соседей, и перешептывание у меня за спиной, и настороженность школьных учителей, которые стали поглядывать на меня с опаской, и внезапная холодность и отчужденность вчерашних товарищей, которых, вероятно, предупредили родители: мол, не дружи с ним, у него мама чем-то болеет, а вдруг и он тоже... Вряд ли кто-то в моей школе точно знал, чем болеет мама, но любая болезнь все равно кажется и опасной, и заразной, даже не инфекционная. Хорошо, что я не настаивал на посещениях! У меня хватило ума сразу же сказать отцу:

– Пап, если мама в психбольнице, я не буду просить тебя, чтобы ты взял меня с собой, когда ты поедешь ее навещать. Я все понимаю. Ты просто кивни, если я угадал.

И отец молча кивнул. Но я увидел, что его глаза налились слезами.

Дзюба

Задача, поставленная Константином Георгиевичем Большаковым, звучала довольно необычно. То есть на самом-то деле ничего необычного в ней не было, если смотреть с точки зрения профессии: нужно вычислить предполагаемую траекторию движения уже известного человека и перехватить его. Но в рамках другой, теневой деятельности оперативника Романа Дзюбы такие задания прежде не давались. Суть программы никогда не состояла в том, чтобы раскрывать преступления, для этого существует официальная деятельность полиции и следственного комитета, те же, кто работает на программу, должны лишь использовать несовершенство законодательства и системы управления, но использовать не для собственной корысти, а для того, чтобы завалить систему закономерными последствиями этого несовершенства. Завалить так, чтобы система не смогла вздохнуть. Чтобы все шестеренки застряли и больше не могли проворачивать колесо.

Итак, нужно найти некоего Игоря Пескова. Сперва быстро проверить его московские адреса и вылетать в Тавридин. Потом из Тавридина можно будет ехать в любое нужное место, но начинать придется именно с того города, куда выписано командировочное удостоверение. Нельзя подводить тех, кто прикрывает тебя «сверху». Нельзя допускать сомнений и уж тем паче – проверок и контроля.

Из сведений, полученных от полковника Большакова, вытекало, что Игорь Песков, 1976 года рождения, разведен, детей не имеет, проживает один. Родителей нет в живых: мать убита в 1988 году, и за это преступление отец Игоря был осужден на десять лет лишения свободы, освобожден условно-досрочно за примерное поведение в 1996 году, скончался в 2008 году. Из родственников в Москве имеется тетка – старшая сестра покойного отца, которая и была опекуном мальчика, пока Песков-старший отбывал наказание, а также дети и внуки этой самой тетки. Родственников по линии матери на данный момент не выявлено.

В квартире по адресу, где зарегистрирован Песков, Роману, само собой, дверь не открыли, а вот в соседних квартирах ему повезло: люди оказались

доброжелательными и разговорчивыми. Только знали они, к сожалению, мало и Игоря Пескова не видели уже несколько месяцев, видно, уехал куда-то. Нет, об отъезде никого не предупреждал, ключи никому не оставлял и цветы поливать не просил, да у него цветов и нету.

– Бобыль бобылем, – сочувственно вздохнула немолодая соседка, проживающая в этом доме с момента его постройки. – Как Вадика, царствие ему небесное, посадили, так Игорька тетка к себе забрала, жалела его очень, воспитывала, растила. А как Игорек школу закончил – сюда вернулся, чтобы самостоятельно жить. Работать пошел, потом в армию. Тем временем и Вадик вернулся, тихий такой стал, набожный, все в церковь ходил, грехи, видно, замаливал. Игорек долго не женился, так и жили они вдвоем с отцом, а уж когда Вадик, царствие ему небесное, помер, так Игорек и жену в дом привел. Только недолго они прожили вместе, не сложилось у них. И деток не случилось.

– Значит, с женой Игорь после развода не общается? – спросил Роман.

– Ни-ни. Она сюда больше ни ногой, – заверила его соседка.

– А он к ней не ходит, не знаете?

– Да откуда же мне знать? И вообще, – в соседке вдруг проснулась подозрительность, – вы почему интересуетесь?

– Так мне его найти нужно, срочно, – рассмеялся Дзюба. – Я же вам объяснял: Игорь Вадимович Песков много лет бьется за реабилитацию своего отца, вы наверняка и сами это знаете.

– Знаю, знаю, – закивала женщина. – Игорек никогда не верил, что Вадик мог убить, считал, что отца по ошибке посадили, а я вот считаю, что очень даже мог Вадик убить. Запросто. Запивал он сильно и становился буйным, и ревновал очень, а Катька-то, покойница, красавица была, мужики ей проходу не давали, а она знай хвостом вертит да глазками стреляет. Но Игорек отца очень любил и все хотел доказать, что осудили неправильно. Упертый. Вадик уж помер давно, а сынок все бьется за свою правду. Ой, сколько писем он во все инстанции написал, сколько жалоб! А ответы-то приходят заказным отправлением с уведомлением о вручении, почтальон приносит. Игорек на работе, так они ко мне в дверь звонят, оставляют извещение и просят передать, чтобы зашел на

почту с паспортом. У нас в подъезде хулиганы какие-то почтовые ящики подожгли, так все никак новые не повесят, уже года три почту по квартирам разносят. Хорошо еще, что лифт есть. Газеты внизу на табуретке складывают, жильцы потом разбирают, кому что положено, а уж с письмами и извещениями приходится по квартирам ходить, чтобы недоумки всякие не растащили. А то ведь знаете как пацаны-то развлекаются: украдут да и выбросят в помойку. А вы, значит, по этому вопросу пришли? Насчет Вадика?

– Да. Игорь Вадимович обратился к одному очень хорошему адвокату, а этот адвокат нанял меня в качестве частного сыщика, чтобы собирать нужную информацию. Как вы думаете, где мне Игоря Вадимовича найти?

– Вот уж чего не знаю – того не знаю. Да вы у его тетки спросите, она-то наверняка в курсе, куда он уехал и зачем и когда вернется. Все-таки единственная родня.

Можно было, конечно, еще пообщаться со словоохотливой и приветливой дамой, которая наверняка рассказала бы много любопытных деталей об Игоре Пескове, но времени не хватало просто катастрофически. Рейс в Тавридин завтра рано утром, и за сегодняшний день нужно успеть пообщаться с теткой и бывшей супругой Пескова, потом вернуться в контору и быстро «подобрать хвосты» по тем делам, которые на время командировки будут переданы другим оперативникам. Командировка-то неизвестно на сколько затянется!

Начать Дзюба решил с тетки Игоря Пескова, Валентины Семеновны Фокиной. Возраст у нее пенсионный, так что есть хорошие шансы застать ее дома. А работающую экс-супругу лучше навестить попозже, после семи часов вечера.

В свои семьдесят лет Валентина Семеновна выглядела лет на восемьдесят пять, да и двигалась медленно и с трудом, но глаза ее, светло-голубые и какие-то прозрачные, смотрели ясно и с любопытством.

– Игорек? – спросила она, медленно шаркая ногами и ведя Романа в комнату, где стояли визг и вой и маленькими метеоритами носились двое ребятишек дошкольного возраста. – А что случилось? Зачем он вам?

Роман снова заученно повторил все ту же байку об адвокате, к которому Игорь Вадимович обратился за содействием и который нанял себе в помощь частного

детектива. Байка была непробиваемая и непроверяемая, с адвокатом Орловым еще вчера договорился полковник Большаков.

- Ах ты, господи! - устало вздохнула Валентина Семеновна. - Никак он не уймется... Чего уж теперь-то копыя ломать? Ведь столько лет прошло, да и Вадюша умер... А Игорек уехал, только не сказал, зачем и надолго ли. Поеду, говорит, в Тамбов, там у меня друг живет, давно звал к себе, у него дом в лесу, он егерем работает.

- Не звонил он оттуда? - поинтересовался Роман. - Вестей не подавал?

- Не звонил, нет. А вести теперь какие же? Никто писем не шлет, перестали...

- Это внуки ваши? - Дзюба кивнул на пронесившихся мимо пацанят. Одному из них было года три-четыре, другому примерно пять.

- Правнуки.

- Все вместе живете? Или вам их на день приводят?

- Вместе, вместе. Где ж нам жить? Другого жилья-то нету, и денег нету, чтобы купить. Вот и живем всем скопом: я, дочка, внучка с мужем и детками, и внук еще. Тесно, что и говорить. Да что жаловаться? Все так живут.

- Валентина Семеновна, а с дочкой вашей Игорь дружил? Все-таки она ему двоюродная сестра. Может, он ей говорил какие-нибудь подробности о своем отъезде, телефон оставил, адрес или еще что?

- С Лидкой-то? - Фокина покачала головой. - Нет, не дружил. Когда с Вадюшей беда случилась и я Игорька к себе взяла, Лидке было уже девятнадцать, у нее уже малая была на руках, Лидка у меня ранняя получилась, в семнадцать лет родила не пойми от кого. Она и без того косо смотрела на Игорька, мол, самим места мало, а тут еще этого подселили. Но вы не думайте, я его в обиду не давала!

Н-да... При такой истории отношений крайне маловероятно, чтобы Игорь Песков сказал своей кузине больше, чем всем остальным. В Тамбов, значит. В лес. К

другу-егерю. Ну-ну.

– Может, с годами ее отношение к брату изменилось? – на всякий случай спросил Дзюба. – Знаете, как бывает: в молодости одно, а с возрастом приходит другое.

Валентина Семеновна внезапно и совершенно необъяснимо рассердилась:

– Ничего не изменилось! И не знаю я ничего! Не спрашивайте меня! Сказано вам: в Тамбов уехал Игорек, вот и всё! А мне не верите – у Лидки спросите, когда она придет.

– А когда она придет?

– А бес ее знает, когда она придет, – с вызовом заявила Фокина. – Когда захочет, тогда и придет. Она птица вольная, двоих детей вырастила и живет теперь, как хочет. А я вот дома сижу, деток стерегу.

Роман взглянул на часы: хватит рассиживаться, время идет, ничего нового ему здесь не скажут. Телефон Лидии Фокиной у него есть, можно просто ей позвонить. И чего старушка так рассердилась? Впрочем, ему давно уже объяснили, что возрастные изменения мозга делают людей капризными и обидчивыми. Наверное, у Валентины Семеновны эти изменения протекают как-то особенно бурно.

Он попрощался и ушел. Сел в машину, немного подумал, вытащил мобильник и набрал номер Лидии. Судя по доносившимся веселым женским голосам, находилась дочка Валентины Семеновны явно не на работе. Байку о частном сыщике она даже не дослушала, прервала Романа на полуслове:

– Так что вам нужно, я не поняла? Я не знаю, где Игорь. Я его сто лет не видела.

– Но вы знаете, куда он уехал?

– Мама говорила, что в Тамбов, к другу. Он там не то лесник, не то егеря.

– Он вам не говорил...

– Он вообще ничего мне не говорил, – нетерпеливо отозвалась Лидия, снова не дослушав собеседника. – Я с ним не общалась. Дачу продал, сукин сын. Наша семья ему по барабану, никогда никакой помощи от него не дождешься. Конечно, это только название такое шикарное – дача, на самом деле участок садовый, шесть соток, и на нем скворечник полусгоревший. Так этот поденок и сам не строился, и нам не позволял, а у нас дети маленькие, им воздух нужен. Короче, мне некогда, я вам все сказала: где Игорь – не знаю и знать не хочу. И слышать про него больше не желаю.

Жестко, что и говорить. Полусгоревший скворечник на шести сотках – это наверняка то самое место, где в 1988 году обнаружили труп матери Игоря Пескова. Судя по тем материалам, которые Большаков передал Роману, Екатерину Пескову сначала сочли погибшей при пожаре, но судебно-медицинская экспертиза обнаружила явные признаки насильственной смерти, а пожаро-техническая экспертиза установила, что имел место поджог. За убийство жены осудили сильно пьющего Вадима Пескова, поскольку все свидетели в один голос рассказали на следствии и на суде, что жили супруги плохо и постоянно скандалили, особенно в течение последнего года, даже и до рукоприкладства дело доходило. Соседи неоднократно видели, как Екатерина, прижимая к себе сына, спасалась от мужа бегством и потом несколько часов пряталась в других квартирах, выжидая, пока напившийся благоверный наконец уgomонится и заснет. Вполне можно понять, почему Игорь не хотел строить новый дом и пользоваться этим участком. Ему было всего двенадцать, когда произошла трагедия. Огромная травма для подростка, подобные раны вряд ли когда-нибудь заживают полностью. А родственникам не позволял там жить потому, что Лидия его ненавидит. Он ведь должен хорошо помнить, с какой неприязнью двоюродная сестра отнеслась к нему, когда на мальчишку обрушилось огромное несчастье: мать погибла, отец осужден на длительный срок. Было бы странно, если бы при таком положении вещей он любил Лидию и заботился о ее детях и внуках. Что ж, все закономерно.

Дзюба достал из сумки папку с материалами, пробежал глазами еще раз. Ну конечно! Садовое товарищество, в котором семья Песковых получила свои шесть соток в 1982 году, находится в том районе Московской области, где в последние полтора года ведется интенсивное строительство и прокладываются новые широкополосные трассы. Цена земли подскочила до небес. И когда Пескову понадобились деньги, он продал свой участок. Теперь руки у него развязаны: можно уволиться с работы и ездить по всей стране.

И где его искать? Понятно, что про Тамбов он наврал своей старой тетушке. Если Большаков не ошибается, то Игорь Вадимович двинул в Серебров. Но это было полгода назад. С тех пор он «отметился» в трех других городах, которые находятся довольно далеко друг от друга. Последний из этих городов – Тавридин, куда Дзюбе и велено ехать в первую очередь. Ладно, сейчас Роман попробует поговорить с бывшей женой Пескова, потом поедет на Петровку и со служебного компьютера покопается в транспортных базах.

А если Большаков ошибается и Игорь Песков не имеет ни малейшего отношения ко всем этим убийствам? Сидит себе в охотничьем домике в тамбовских лесах, попивает водочку, болтает со старым другом и в ус не дует... Душевные раны зализывает. И что тогда делать? Проверять все лесничества, опрашивать всех егерей, но кто будет этим заниматься? Официально приказать невозможно, значит, нужно искать знакомых полицейских, просить «по дружбе» и ничего не объяснять. Провернуть такую штуку ох как непросто!

* * *

С бывшей женой Пескова пришлось тоже общаться по телефону: на звонки в дверь Дзюбе не открыли, а соседи сказали, что Жанна в больнице, и дали номер ее мобильного.

Жанна на звонок ответила, но разговаривала таким голосом, что сразу стало понятно, насколько плохо она себя чувствует. Дзюбе даже неловко стало. Но дело есть дело.

– Я понятия не имею, куда Игорь мог уехать. Мы развелись пять лет назад и с тех пор ни разу не встречались и не разговаривали. Я вычеркнула его из своей жизни, а он точно так же вычеркнул меня.

– Можно спросить, почему? Простите, если вопрос кажется вам неделикатным, но мне важно это понимать, – осторожно проговорил Роман. – Он вас чем-то обидел?

– Он меня ничем не обидел. Но я не смогла жить с человеком, одержимым одной-единственной идеей: реабилитировать отца. Он никогда не верил в то, что его отец – убийца. Не хотел верить. И делал все для того, чтобы доказать, что отец

никого не убивал. Конечно, это очень благородно, я не спорю, но когда с утра до вечера рядом с тобой находится не мужчина-муж, не половина твоей семьи, а машина для написания жалоб и прошений и обсуждения ответов, то, в конце концов, это становится невыносимым. Я просто не выдержала и ушла. Не смогла жить рядом с фанатиком.

– А про друга из Тамбова вы что-нибудь слышали?

– Нет. Фанатики не рассказывают о своих друзьях, они могут говорить только о своей идее, о своей цели. Простите, мне сейчас будут ставить капельницу.

Ну вот, опять ничего толкового не вышло.

Роман приехал на Петровку, достал из сейфа папки с делами, быстро написал все необходимые бумаги, получил очередную «накачку» от начальника отдела Глазова, сбегал в буфет за чипсами, купил три пакета: один для себя, два – на всякий случай, если с выходом в базу данных что-нибудь не заладится. Обращаться за помощью, не принеся с собой подношения, у них как-то не принято.

Во втором часу ночи Роман Дзюба запер наконец кабинет и поехал домой. По паспорту Игоря Вадимовича был приобретен только один билет – на поезд до Брянска. Примерно в тот период, когда Песков исчез из поля зрения. Что это означает? Что он к убийствам не причастен? Или что он доехал до Брянска и дальше по всей стране колесит на автомобиле или на электричках и автобусах? Или все-таки добрался до тамбовских лесов? Есть еще один вариант, самый плохой: у Пескова имеется паспорт на другую фамилию. Где он его раздобыл – вопрос отдельный. Такую возможность тоже нельзя исключать.

Поспать Роману удалось всего пару часов, в пять утра он уже был в аэропорту. В самолете попытался подремать, но мешало назойливое беспокойство. Капитан Дзюба был очень недоволен собой. Появилось ощущение, что вчера он сделал все не так, все было неправильно, сикось-накось. С другой стороны, время поджимало. А в условиях дефицита времени Роман обычно принимал не очень правильные решения. Знал он за собой такой дефект.

«Я все испортил, – уныло думал он, чувствуя, как неудобно его массивному накачанному телу в самолетном кресле. – Еще ничего толком не начал делать, а

уже запорол задание».

Шарков

Впервые за последние сутки Валерий Олегович почувствовал, что его чуть-чуть отпустило. Первый шок от приговора врачей прошел, Костя Большаков отправил толкового паренька разбираться с убийствами, которые предположительно совершил Игорь Песков, а внутренне генерал укрепился в правильности собственного решения не посвящать жену в свои медицинские проблемы. Он справится. Все будет хорошо. Сидящая внутри бомба тикает, но не взорвется, пока не разрулится ситуация. Он успеет.

Валерий Олегович даже удивился, насколько, оказывается, быстро можно привыкнуть к новому самоощущению «оболочки взрывного механизма». Если первые двадцать четыре часа он, каждую секунду прислушиваясь к себе, усилием воли заставлял себя контролировать каждое движение и каждую эмоцию, чтобы избежать излишнего напряжения и повышения давления, то уже сегодня к вечеру он проделывал это совершенно автоматически. «Надо же, – думал он. – Когда-то Верочка Максимова сказала, что у меня необыкновенно высокая способность к адаптации. Я тогда, помнится, чуть не расстроился, подумал, что это синоним способности прогибаться под чужое мнение и влияние. А теперь понял, что штука-то полезная. Вот ведь когда пригодилась... Поистине, никогда не знаешь, где найдешь – где потеряешь».

Он пришел домой уставший, но вполне благодушный, насколько это вообще было возможно в его положении. Но, едва переступив порог квартиры, сразу понял: что-то не так. Вешалка в прихожей выглядела как-то пустовато. Обычно в межсезонье там висели и плащи, и пальто, и куртки – полегче и потеплее, погода-то переменчивая. Теперь же Шарков видел свою одежду, а из вещей жены – только короткое кашемировое пальто. Ни двух курток, ни плаща, которые были здесь еще сегодня утром, когда он уходил на службу... Его обувь внизу, под вешалкой, тоже на месте, а из того, что носила Елена, – только высокие лаковые ботинки. Из кухни тянуло запахами еды. Но набор звуков, наполнявших пространство квартиры, был непривычным. Ни голосов из телевизора, ни звяканья посуды, ни журчания воды, ни пыхтения парового утюга. Что-то другое...

– Лена, ты дома? – громко крикнул Валерий Олегович.

– Дома, – голос жены доносился из спальни.

Странно, почему она в спальне? Заболела и прилегла? Он разделся, поставил ботинки на обувную полку, сунул ноги в тапочки. Направился в спальню, чтобы повесить китель и форменные брюки на вешало и переодеться в домашнее, и удивленно остановился, увидев на застеленной покрывалом кровати раскрытый чемодан. Рядом, на полу, стоял еще один чемодан и две большие спортивные сумки. Елена доставала из шкафа и складывала в чемодан какие-то кофточки и маечки. Она сильно располнела в последние годы и двигалась тяжело, как будто даже с усилием.

– Командировка? – спросил он спокойно. – Куда-то в теплые края?

Елена подошла, взяла его за руку, но в глаза почему-то не смотрела.

– Пойдем, я тебя покормлю.

И потянула из спальни в кухню.

– Ты мне не ответила, – заметил Шарков. – Куда тебя посылают? Надолго?

– Нам нужно поговорить, – сказала жена вместо ответа на вопрос.

Шарков послушно прошел в кухню, уселся за стол, сложил руки перед собой. «Наверное, срывается с подружками куда-нибудь в Египет или в Марокко, там можно отдохнуть за вполне доступные деньги. Небось появились какие-то горящие дешевые путевки. Хотя для двухнедельного отдыха шмоток многовато собирает: два чемодана и две сумки...»

Елена поставила перед ним тарелку с горячим супом и корзинку с нарезанным хлебом. Он начал есть, чувствуя, что с каждой проглоченной ложкой аппетит пропадает. Съев полтарелки и так и не дождавшись от жены рассказов о внезапной поездке, он с раздражением отложил ложку.

– Так что случилось? О чем ты хотела поговорить?

В это мгновение он ощутил в голове какую-то неприятную мысль, но не успел ее осознать. Просто зафиксировал, что при этих произнесенных им словах мозг подал сигнал: «плохо».

Елена смотрела прямо ему в лицо темными карими глазами. Фигура у нее испортилась, черты лица расплылись, волосы поредели и уже не лежали так красиво, как прежде, но глаза оставались все такими же яркими и блестящими, как в юности.

- Валера, отпусти меня, пожалуйста, - негромко попросила она.

- Куда? В Египет? В Турцию? Или куда вы там собрались? Поезжай, конечно. Кажется, я никогда не был против твоих вояжей.

- Валера, отпусти меня, - повторила она еще тише. - Отпусти совсем.

У него похолодело под ложечкой, но он все еще не верил.

- Не понял... Что значит «совсем»?

Она еще помолчала и вдруг выпалила:

- Давай не будем жить вместе. Это бессмысленно. Мы не нужны друг другу. Отпусти меня.

- Это шутка, я полагаю?

- Нет, это не шутка.

- Я...

Он почувствовал, что голос сел, и вместо звуков из его рта вырывается сипенье. Пришлось откашляться.

- Я что-то сделал не так? Чем-то обидел тебя? Или дело в том, что у тебя роман и ты хочешь начать новую жизнь с новым мужем?

Елена убрала тарелку с недоеденным супом, молча поставила перед Шарковым другую тарелку: тушеное мясо и овощной гарнир.

– Валера... Мне трудно это объяснить, но я попробую. Когда-то мы с тобой были молоды и строили свою семью. Потом родился Олежка, мы его растили, воспитывали, беспокоились о нем, вникали в его школьные проблемы. Потом он вырос, женился, стал жить отдельно от нас. И вдруг оказалось, что нам с тобой не о чем разговаривать. Олежкины проблемы мы больше не обсуждаем, потому что проблемы роста закончились, а о том, что происходит у него на работе, мы не знаем. У нас есть внучка, но мы мало видим ее, потому что у нашей невестки неработающая мама и ее такая же неработающая сестра, которые взяли на себя все, что касается помощи с ребенком. Когда Маришку приводят к нам, мы два-три часа занимаемся ею, потом еще полчаса можем это пообсуждать. И на этом – все. Нам не о чем стало разговаривать, разве ты не заметил? Нам нечем заняться вместе. Мы никуда не ходим, потому что наши рабочие графики не совпадают, и ты слишком устаешь, чтобы после службы еще куда-то идти. Мы не приглашаем никого в гости, потому что ты не любишь посторонних в квартире. У меня много друзей и коллег, но они тебе не интересны, и я вынуждена общаться с ними вне дома. Ты не рассказываешь о своей работе, и я отношусь к этому с пониманием. Моя работа и мои увлечения тебя не интересуют, и ты ничего в них не понимаешь. Тогда ответь мне: зачем нам быть рядом друг с другом? Ради чего? Ради быта? Можно нанять домработницу.

Шаркову показалось, что он проваливается в глубокую яму, пытается руками хвататься за попадающиеся на стенах выступы, но пальцы один за другим отрываются от кисти, и с каждым пролетаемым вниз метром кровь хлещет из ран все сильнее, сильнее... Одна его часть пыталась осознать сказанное женой, другая же прислушивалась к тому, что происходит внутри. Господи, как же страшно! Еще несколько минут назад Валерий Олегович был уверен, что привык, притерпелся, адаптировался. Ан нет... Разве можно привыкнуть к ежесекундному ожиданию смерти?

Наверное, он сильно побледнел или лицо исказилось, потому что Елена встревоженно спросила:

– Тебе нехорошо? Дать таблетку от давления?

– Не нужно.

– Прости, я понимаю, что затеяла это объяснение так неожиданно, без подготовки, но я не знала, как поступить. Вот и решила сказать все как есть и уйти. Видишь, вещи уже собрала. И никакого романа у меня нет, если тебя это волнует.

– Куда же ты собралась уходить, позволь поинтересоваться? – сухо проговорил Валерий Олегович.

– Сняла комнату в коммуналке.

«Хорошо, что я не сказал ей про болезнь и операцию, – подумал он. – Мне даже в голову не приходило, что ей плохо со мной. Если б сказал, она бы хлопотала вокруг меня. И конечно, не ушла бы. Жила бы со мной и мучилась. Она права, конечно, мы действительно почти ни о чем не разговариваем, но меня это вполне устраивало: для меня дом и семья – это крепость, где меня никто не тронет и где я могу расслабиться. Моя задача – принести добычу, и я ее приношу. Взамен мне нужны тишина, покой, безопасность и уважение. Все это в моей семье было, поэтому меня все устраивало. И по наивности я думал, что женщине в семье нужно то же самое. А вот оказалось, что ей нужно что-то совсем другое...»

Он понимал, что должен, наверное, попытаться отговорить жену, убедить, пообещать, что отныне все будет по-другому, заверить, что понял свои ошибки и исправит их... Но Шарков осознавал, что не хочет. У него нет сил. Нет внутреннего ресурса ни на то, чтобы уговаривать, ни на то, чтобы исправлять промахи. Сейчас самое главное – спасти программу.

И все же одну попытку, совсем слабенькую, он предпринял:

– Лена, мы с тобой прожили двадцать девять лет. Неужели это ничего не значит?

К еде он так и не притронулся, мясо остыло, но все еще источало аромат специй, и от этого запаха Шаркова подташнивало.

Жена кивнула и слегка улыбнулась.

– Спасибо тебе, ты подсказал мне те самые слова, которые я искала и все не могла найти, чтобы объяснить... Даже не столько сами слова, сколько аргументы. Первые двадцать пять лет своей жизни я провела в родительской семье. Следующие двадцать пять лет – с тобой и Олежкой. И вот уже четыре года я одна, понимаешь? Совсем одна. У меня есть обязанности, и я стараюсь их выполнять: готовить еду, поддерживать чистоту и порядок в нашем жилище, но меня преследует ощущение, что все мои действия словно уходят в пустоту. Я вкладываю в них душу, а потом вижу, что сами действия тебе нужны, а вложенная душа – нет.

– Леночка...

– Подожди, Валера. Я не упрекаю тебя, Боже упаси! Решение, которое я приняла, далось мне нелегко, я обдумывала его весь последний год, спорила сама с собой, пыталась найти уязвимые места. Ты ни в чем не виноват. Если вообще искать виноватых, то виноваты мы оба в равной мере. Но я бы не хотела идти по пути каких-то обвинений. Я прочитала много литературы о распадающихся долгих браках и о причинах разводов, в том числе и специальной, и знаешь, оказалось, что наша с тобой ситуация вовсе не уникальна. Огромное число семей распадается после того, как вырастают дети. Люди, прожившие вместе по тридцать-сорок лет, вдруг понимают, что вместе им... Не то чтобы скучно, а как-то пусто, понимаешь? Если в семье выросла дочь и вышла замуж, такие разводы случаются реже, потому что бабушки по линии матери всегда ближе к внукам. Женщина помогает дочери с ребенком, обихаживает мужа, и у нее уже не остается времени ощутить, что с этим самым мужем ее ничего не связывает. С утра до вечера с малышкой возится, вечером мужу про внуков рассказала, еду приготовила, постирала-погладила – вот и день прошел, хорошо еще, если успела какой-нибудь сериал одним глазком глянуть. Если в семье вырос сын и других детей нет, то шансы, что семья распадется, достаточно велики. Вот как у нас с тобой. Наши с тобой сваты мягко, но решительно отодвинули нас от Маришки, и их можно понять: мы оба работаем, у нас масса занятий и проблем, а для них внучка – единственный свет в окошке. Я сбилась...

Елена потеряла ладонью лоб, недовольно нахмурилась. Шарков молча ждал, когда она заговорит снова, одновременно выискивая в памяти примеры знакомых им супружеских пар, вырастивших детей и вполне счастливо живущих вместе не один десяток лет. И, к своему ужасу, не находил...

– Я вот что хотела сказать... Никто не виноват, что мы не можем обсуждать друг с другом свои профессиональные проблемы. У нас с тобой разное образование, разные вкусы, разная работа. Даже если бы мы вдруг решили начать обсуждать прочитанные книги или увиденные фильмы, это было бы нереальным, потому что я читаю много и за кинематографом слежу, а у тебя на это уже много-много лет просто нет времени. Я это понимаю. Разговаривать об общих знакомых мы тоже не можем, потому что тебе их жизнь не интересна. И это я тоже понимаю. Ты уходишь на службу утром в половине восьмого и возвращаешься не раньше десяти вечера, а то и позже, ты почти всегда работаешь по субботам, часто уезжаешь в воскресенье, а если не уезжаешь, то сидишь в кресле перед телевизором и переключаешь программы. У тебя нет сил даже на то, чтобы сосредоточиться и посмотреть какую-то программу от начала до конца. Ты в свой нечасто выпадающий выходной хочешь помолчать и отдохнуть. Я уважаю твои желания и потребности и готова считаться с ними. Но для чего в этой твоей жизни нужна я? Ни для чего, кроме как накормить и обстирать. Тебе не нужно мое внимание, тебе не нужны мои советы, тебе не нужно, чтобы я тебя слушала и сопереживала, поддерживала. У меня бесконечные лекции, научные статьи, конференции, семинары, поездки, подруги, приятельницы, коллеги, выставки, – одним словом, все то, что тебе не нужно и не интересно, но для меня это важно, это суть и смысл моего существования. И я вынуждена этот смысл и эту суть приспособлять к решению главной задачи: быть тебе удобной. Это означает, что к твоему приходу должна быть готова горячая еда, рубашки наглажены, белье выстирано, квартира убрана. Ты ведь даже не обратил внимания на то, что я перестала ходить в театр и на концерты, правда? Потому что вечером я должна быть дома и обслужить тебя, в котором бы часу ты ни вернулся. Я перестала разговаривать по телефону с подругами, когда ты дома: ты хочешь тишины и покоя. Я никого не приглашаю в гости: ты не любишь. И вот я подумала: а ради чего, собственно, я это терплю? Ради тебя? Я тебе не нужна. Ради сына? Он взрослый. Ради себя? То есть ради твоей зарплаты и каких-то министерских бонусов? Но я умею жить экономно и малобюджетно, практика была хорошая. Валерочка, милый, пойми: у меня нет никаких претензий, я ни в чем тебя не упрекаю. Просто я вдруг поняла, что больше так не хочу. Не хо-чу, – отдельно и четко повторила она. – У меня впереди еще лет двадцать пять, а если судьба позволит – то и больше, и мне хочется прожить эти оставшиеся годы свободно и ярко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/aleksandra-marinina/cena-voprosa-tom-1>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)